

Наталья Александрова

Портрет
Кровавой графини

Annotation

Из глубины веков тянется кровавый след таинственного медальона. Ходят слухи, что этот медальон проклят, как и прекраснейшая женщина, изображенная на нем. Ее имя – Эржбета Батори, но за злодеяния, совершенные над невинными, она получила прозвище Кровавая графиня. Каждый, кто не по праву завладевает медальоном, обречен на страшные муки, но все равно находятся смельчаки, готовые рискнуть своей жизнью и благополучием ради портрета средневековой злодейки.

Детектив-любитель Надежда Лебедева, будучи убежденной материалисткой, ко всякой мистике относилась с недоверием, однако цепь трагических событий, свидетельницей которых она стала, пошатнула ее взгляды...

Портрет Кровавой графини

Наталья Александрова

© Н. Александрова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

«И чего мы сюда приперлись? – с тоской подумала Надежда. – Ну вот что мы тут забыли?»

В волнении она слишком сильно сжала локоть приятельницы Милки, так что та дернулась и прошипела:

– Надь, ты чего?

– Того, – одними губами, но злобно ответила Надежда.

Милка поняла все правильно и покаянно склонила голову. Ведь это она сбила Надежду с толку.

Женщины приятельствовали очень давно, еще с тех пор, как работали в НИИ. Милка была секретарем отдела и знала про всех сотрудников все, что вообще стоило знать. Потом уволилась по семейным обстоятельствам – ее неожиданно бросил муж и нужно было искать более денежную работу. Через два года муж вернулся, но обратно в секретари Милка не пошла. Устроилась программистом-надомником, работала спустя рукава, потому что муж, за два года ужасно по ней соскучившись, окружил Милку заботой и нежностью. Таким образом, Милка, сидя дома, частенько позванивала бывшим коллегам, чтобы быть в курсе перемен в их жизни. К Надежде она испытывала особенную теплоту и благодарность, потому что в свое время Надежда Николаевна здорово помогла Милке, когда ту подставили и едва не подвели под криминал^[1].

Именно Милка и позвонила Надежде вчера вечером с дурной вестью.

– Надя, Леденцов умер!

– Какой Леденцов? – оторопела Надежда. Она в это время варила черносмородиновое варенье, которое как раз убежало, так что не сразу сообразила, что к чему.

– Надя, да ты что?! – возмущенно возопила Милка. – Всего три года не работаешь в институте, а уже всех сотрудников позабыла! Нельзя же так, в самом деле!

Надежда в это время сняла пенку, помешала, убедилась, что варенье не подгорает, и стала доступна для общения.

– Да помню я Костю Леденцова, – прервала она Милкины причитания, – конечно, помню, только ведь он уже давно уволился, ушел в бизнес, говорят, сильно в этом преуспел... – Она осеклась, сообразив, что теперь ее слова совсем некстати.

– Вот-вот, – по-старушечьи вздохнула Милка, – кому в смерти все успехи понадобятся... И деньги тоже не нужны теперь...

– А что случилось-то?

Толком Милка ничего не знала.

– Позвонил мне Торопыгин, говорит, вроде инфаркт...

– Торопыгин? – Услышав эту фамилию, Надежда ощутила во рту вкус плесени.

Торопыгин занимался в их НИИ общественной работой. То есть это он так говорил, а на самом деле хорош был только в одном: в умении произносить речи по всяким торжественным поводам. В советское время торжества были в основном все политические, и на этом деле Торопыгин собаку съел. Он умел говорить долго и нудно, не сообщив ничего конкретного, а главное – политически грамотно. После перестройки, когда нужда в таких людях потихоньку сошла на нет, Торопыгин переквалифицировался, если можно так сказать, в профессиональные плакальщики. То есть выступал со своими многословными речами на похоронах сотрудников. После того как институт разогнали, Торопыгин пристроился каким-то мелким чиновником, и все очень удивлялись: кому только такой тип понадобился? Не иначе, по знакомству устроили. Или его специфический талант снова оказался востребован.

Надежда терпеть не могла этого насквозь фальшивого и скользкого типа и, когда уволилась из института, с радостью выбросила Торопыгина из головы. И вот теперь он снова возник.

– Да, – продолжала Милка, – звонит он мне и говорит, чтобы я собрала всех, кого знаю, и чтобы мы приходили на похороны. Бывший сотрудник, много лет работали вместе, нехорошо не пойти, надо почтить память и так далее. Так наехал, что я согласилась. Позвонила тебе, да вот еще Валентину Голубеву.

– И что сказал Валентин? – оживилась Надежда. Валя Голубев был ее старинным и близким приятелем, вот уж они друг с другом съели не пуд соли, а целый вагон.

– Расстроился, конечно, сказал, что обязательно придет, потому что Костя хороший мужик был... Так что, Надя, ты тоже приходи.

– Приду, конечно, я его жену знала, Лиду, дочек мы вместе куда-то водили... Надо ее поддержать. Позвоню, соболезнование выражу...

Милка издала странный звук – не то фыркание, не то хрюканье.

– Что не так?

– Ох, Надя, ты не в курсе... Тут как бы не попасть в неловкое положение... Понимаешь, он, Леденцов-то, с той, первой, женой развелся...

– Давно? – ахнула Надежда.

– Да уж года три-четыре. Теперь у него новая жена, молодая, зовут Алиса. То есть теперь-то она не жена... – смешалась Милка, – в общем, приходи, завтра все расскажу.

Сейчас Надежда никак не могла понять, как это она согласилась прийти. Нужно было еще и Милку отговорить, и Валентина тоже. Потому что с самого начала все это мероприятие начало действовать Надежде на нервы.

Начать с публики. Народу было много, и все такие, как Милка выразилась, крутые и упакованные. Мужчины в дорогих костюмах, а женщины уж так разодеты, что непонятно, куда вообще собрались. Одна блондинка была в потрясающем черном платье, весьма открытом, да еще и бриллиантов навесила, как будто не на похороны, а на премьеру в оперу явилась.

Из знакомых не было никого, кроме Милки и Валентина, очевидно, все бывшие сотрудники оказались умнее и правильно посчитали, что здесь без них прекрасно обойдутся.

В конце концов Надежда решила, что перетерпит. Попрошаться с бывшим сотрудником, да и уйти скорее. Но тут появился Торопыгин, громко приветствовал их троих, даже полез к Надежде обниматься. В общем, привлек внимание остальной публики, так что дамы стали

коситься на них с легким презрением, тем более что одеты Надежда с Милкой были подчеркнуто скромно – не на свадьбу ведь явились, а на похороны, чего уж тут выражаться. Надежда сделала независимое лицо и отошла в сторонку, наблюдая.

Публика ей не нравилась хотя бы потому, что никто не проявлял никакого уважения к трагическим обстоятельствам. Все переговаривались, выходили курить, мужчины в полный голос обсуждали какие-то свои дела, дамы оценивали туалеты друг друга.

Одна парочка особенно притягивала взгляд – молодая женщина, вся в черном, в шляпке с вуалью, под руку с мужчиной, тоже довольно молодым, но уже с намечающимся брюшком и неявной лысиной, удачно замаскированной умелым парикмахером. По тому, как бережно мужчина поддерживал даму, как наклонялся к ней с самым заботливым выражением, как изредка ласково поглаживал по руке, Надежда догадалась, что это – новоиспеченная вдова Алиса Леденцова.

Что ж, внешне девица ничего себе – молодая, гламурная, типичная жена богатого человека. А что Константин Леденцов за последние годы разбогател, Надежда поняла, еще не дойдя до траурного зала. Валя Голубев, увидев машины на стоянке возле крематория, только присвистнул: ну и ну... круто!

Чуть сзади безутешной вдовы маячили два здоровенных типа в черных костюмах. Квадратные плечи и такие же квадратные, невыразительные физиономии выдавали в них телохранителей. Ну, все как полагается, даже охранники есть. А этот тип, что отирается рядом с вдовой, какой-то неприятный.

Тип снова погладил вдову по руке, и Надежда увидела у него на безымянном пальце перстень. Вот уж этот перстень идет ему как корове седло! Надежде не очень нравились мужчины, которые носят украшения. Единственное, что она считала приемлемым, – это обручальное кольцо.

– Три года они женаты, – сообщила Милка, которая ненадолго отлучалась в туалет, – детей нет. А этот рядом с ней – Иконников, его заместитель и правая рука. Фирма у Кости крупная была, оборот хороший. Что теперь будет – никто не знает.

– А ты-то откуда все знаешь? – поразилась Надежда.

– А я в туалете с секретаршей Костиной парой слов перекинулась. Вон, гляди, мымра такая в мешковатом костюме...

Милкин палец указывал на блеклую женщину лет сорока с крысиным хвостиком на затылке. Темно-серый костюм сидел на удивление плохо, хоть женщина и была скорее худой, чем полной. Как говорится, не всякая похудевшая корова – газель...

– Да... ну ясно, что красотка Алиса симпатичную секретаршу рядом с мужем не потерпела бы... – пробормотала Надежда. – А чего этот заместитель возле вдовы так отирается?

– Денег хочет, – ответила Милка без сомнения, – все же теперь ей достанется.

– А вот в этом я не уверена, – задумчиво пробормотала Надежда, – у Константина же дочка была от первого брака... как же ее звали-то?.. Маша... Саша... не вспомнить. Так что по закону ей какая-то часть полагается от всего имущества...

– Ну, насчет закона я бы не очень обольщалась, – здраво заметила Милка, – тут, знаешь, свои порядки. Вон погляди на этих мордovorотов – сразу видно, что никакой закон им не писан.

– Да, в общем, какое нам дело... – согласилась Надежда. – А от чего он умер-то?

– Инфаркт. Не то на работе, не то в машине, не успела я точно выяснить, тут в туалет эти

две сороки приперлись. – Милка указала на двух дам, усиленно старающихся догнать уходящую молодость. Видно было, что это им пока удается. Если пристально не приглядываться, то еще ничего себе.

Надежда посмотрела вокруг рассеянным взглядом и вдруг увидела молодую девушку, показавшуюся ей очень знакомой. Высокая, стройная, лицо несколько удлинненное, и глаза широко расставлены, что придает взгляду некоторую таинственность... Где Надежда могла ее видеть? Господи, да она же на Костю Леденцова похожа! Ну да, те же черты, тот же овал лица. А волосы темные, Лидины...

Девушка наклонилась к своей спутнице, стоявшей рядом, сказала что-то тихонько. Женщина обернулась, и Надежда с трудом, но узнала в ней Лидию, бывшую жену Константина. Но как же она изменилась...

Лидия была очень худа, волосы, когда-то пышные и темные, теперь поредели и были кое-как заколоты какими-то старушечьими шпильками. Теперь Лида носила очки, которые ей очень не шли. И одежда была на ней такого вида и качества, что Надежда ужаснулась – видно, что женщина давно махнула на себя рукой. Надежда тотчас призвала себя к порядку – нашла время злопыхать! Ну, горе у человека, все-таки похороны мужа.

Не мужа, а бывшего мужа, тотчас поправила она себя. Они уж сколько лет развелись, можно это событие пережить. Тут другое. Видно, болеет Лида, уж больно вид у нее изможденный. И раньше толстой не была, а сейчас прямо как из Освенцима...

«Да она моложе меня на два года, – в панике подумала Надежда, – а выглядит старше на все десять...»

Лида подняла голову, и они встретились глазами. Она тотчас узнала Надежду, потому что бледные губы тронула слабая, едва заметная улыбка. У Надежды кольнуло сердце, до того стало жалко старую знакомую.

Надежда незаметно подошла ближе, и они с Лидой молча обнялись.

– Спасибо, Надя, что пришла... – тихо сказала Лида, отстраняясь, – спасибо, что Костю помнишь...

– Ну что ты, мы же столько лет работали вместе, – голос у Надежды дрогнул, – молодыми совсем начинали...

Костина дочка смотрела на Надежду настороженно.

– Здравствуй, Даша, – сказала Надежда, имя девушки само всплыло в памяти.

– Это Надя, Надежда Николаевна, – Лида несколько оживилась, даже глаза чуть заблестели, – они с папой работали вместе...

– Мы с тобой когда-то на елку ходили... – улыбнулась Надежда. – У меня дочка Алена, тебя постарше...

– Не помню, – сухо сказала Даша.

«И то верно, – подумала Надежда, – не время сейчас для таких воспоминаний».

– Прошу всех пройти в зал для прощания! – раздался голос откуда-то с потолка.

Публика потекла в зал, возле дверей, как водится, случилась небольшая давка.

– Дайте дорогу! – послышался громкий мужской голос.

Слишком громкий для такого места. Надежда инстинктивно шарахнулась в сторону и оглянулась. Дорогу расчищали для вдовы, ее по-прежнему поддерживал тот самый лысоватый с животиком... как его... ах да, Иконников, заместитель. Что характерно, шумел он, а два охранника держались позади и вели себя довольно скромно. Все же похороны, народ вокруг приличный, от кого защищать-то...

Надежду оттеснили от Лиды с дочерью. Иконников, проходя мимо, задел Лиду плечом.

– Осторожнее, – прошипела Даша, придерживав мать.

Вдова повернулась к ней, и Надежда даже вздрогнула, перехватив ее взгляд. Вуаль сбилась на сторону, и было видно, что Алиса смотрит на дочь своего покойного мужа с неприкрытой ненавистью.

– Однако... – тихонько произнесла Надежда Николаевна и тут же прикусила язык.

В зале прощания Торопыгин протиснулся сквозь толпу, как бегемот сквозь камыши. Толпа раздалась, и Надежду вытеснили почти к самому гробу. При этом она оказалась рядом с Валей Голубевым. До этого он где-то пропадал, курил, что ли, с мужчинами. Надежда ухватила Валу под руку, чтобы не затолкали.

Тем временем Торопыгин вышел на середину зала, откашлялся, исподлобья оглядел присутствующих и заговорил своим привычным начальственным голосом:

– Мы сегодня прощаемся не только со своим сослуживцем и... родственником, – он бросил взгляд на молодую вдову с Иконниковым и охранниками, державшихся сплоченной группой, – мы прощаемся не только с давним другом и надежным соратником, мы прощаемся с настоящим инженером... с инженером, не побоюсь этого громкого слова, с большой буквы!

В зале повисло недоумение – Надежда была уверена, что все присутствующие, кроме них троих конечно, понятия не имеют, что такое инженер. Хоть с большой буквы, хоть с маленькой. Торопыгин, однако, ничего не заметил и продолжал свою накатанную речь, откровенно наслаждаясь собственным голосом.

– Ну, заведет теперь... – вполголоса проговорил Валя, – любит он поговорить...

– Терпи! – шикнула на него Надежда. – Похороны – это тебе не вечеринка с выпивкой! Здесь главное – соблюсти приличия. Тем более что Костя и правда был хорошим инженером...

– Да терплю я, терплю! – поморщился Валентин. – А что мне, интересно, остается?

Торопыгин тем временем продолжал:

– Помню, как на государственной приемке изделия «Шифоньер» никто не мог включить стартовый комплекс и приемка едва не сорвалась. Но покойный – я имею в виду Константина Михайловича – вспомнил аварийный протокол и сумел включить стартовый комплекс, тем самым защитив честь родного предприятия...

Надежда тяжело вздохнула: кажется, Торопыгин и правда завелся всерьез и надолго. Будет теперь вспоминать случаи из своего боевого прошлого. Впрочем, никто его не слушал. Дамы перешептывались и стреляли глазами по сторонам, мужчины разговаривали вполголоса, кто-то хихикал. Торопыгин грозно откашлялся и заговорил громче, стараясь заглушить все посторонние звуки.

И тут у кого-то совсем рядом зазвонил мобильный телефон.

«Как нехорошо, – подумала Надежда, – приличные люди в театре или на концерте телефон отключают или хотя бы ставят его на вибровывоз. Не говоря уж о похоронах. В конце концов, это просто неуважение к покойному и к присутствующим».

Телефон продолжал звонить. К счастью, звонок был негромкий, такой мелодичный перелив, так что слышали его только те, кто стоял близко.

«Да что же это такое, – занервничала Надежда, – ну хоть бы сейчас-то он его выключил...»

Она украдкой огляделась, чтобы определить хозяина злополучного телефона. Однако никто поблизости не рылся в карманах, не пытался найти и выключить свой телефон, хотя многие, конечно, слышали звонок и, как и Надежда, оглядывались по сторонам.

И тут Надежда сумела определить, откуда доносится этот неуместный и несвоевременный звонок.

Звонок доносился из гроба.

А если точнее – из кармана покойного. Слух у Надежды Николаевны был отличный.

– О господи! – выдохнула Надежда, когда до нее дошел этот удивительный факт. Ну это же с ума можно сойти – обрядили покойника в парадный костюм, а мобильник вытащить забыли. Или его нарочно положили? Как скифских вождей хоронили? С конем любимым, оружием, припасами всякими, рабами, женами... мало ли что на том свете понадобится... Ну да, а для современного делового человека, которым был Константин, мобильный телефон – это то же, что для скифского вождя оружие...

– Вот блин! – прошептал рядом с ней Голубев. Видимо, и он определил источник звука.

«Хоть бы кто-нибудь что-нибудь сделал с этим телефоном!» – подумала Надежда.

Торопыгин, однако, ничего не замечал и ничего не слышал, кроме себя, любимого. Он продолжал вещать хорошо поставленным голосом:

– Руководство нашего предприятия в лице меня неоднократно отмечало высокую квалификацию и огромное трудолюбие Константина Михайловича, он был неоднократно удостоен благодарности в приказе и в устной форме...

Наконец мужчина, который стоял ближе всех к гробу – тот самый, который упорно поддерживал безутешную вдову, оглядевшись по сторонам, протянул руку и быстрым движением вытащил телефон из кармана покойного. Первым делом он нажал на кнопку отбоя, и злополучный телефон замолчал.

Надежда перевела дыхание: ну, слава богу, нашелся хоть один решительный человек... Пусть и не понравился ей этот Иконников, а все-таки выручил в трудную минуту. Но все же он какой-то противный. Животик этот и руки какие-то пухлые, да еще перстень носит. Вблизи она рассмотрела перстень четко – на нем был выгравирован цветок лотоса в круге.

В это время произошло еще одно событие, которое отвлекло всеобщее внимание: Алиса, молодая жена... вернее, молодая вдова Константина, грохнулась в обморок. Стояла себе, стояла, не плакала, не рыдала, на гроб не кидалась, волосы на себе не рвала – и вдруг очень изящно подогнула колени и аккуратно упала на руки одного из телохранителей. Ничего, в общем, страшного. Тем не менее все, кто ее окружал, пришли в движение – кто бросился помогать, кто просто, воспользовавшись суетой, отступил подальше от неумемного Торопыгина.

Надежду тоже немного потеснили. Она бросила взгляд на Иконникова, который сжимал в руке злополучный телефон. Его кто-то толкнул под руку, телефон упал на пол, прямо под ноги Вале Голубеву. Валя его не заметил, отступил в сторону и нечаянно поддал телефон ногой. Телефон покатился по полу и оказался у ног Надежды.

«Точный пас, – подумала Надежда, с уважением взглянув на Валу, – прямо что твой Марадона!»

Надежда Николаевна не слишком увлекалась футболом, но такую звезду первой величины, как Диего Марадона, даже она знала.

Телефон лежал у ее ног, и Надежда, повинувшись мимолетному порыву, подняла его. Кажется, никто этого не заметил – все были заняты Алисой и ее несвоевременным

обмороком. Даже Торопыгин что-то наконец почувствовал, замолчал и с выражением детской обиды взирал на молодую вдову, которая помешала ему с честью закончить такую замечательную речь.

Короче, все смешалось, публика зашевелилась и, не стесняясь, зашумела.

– Мы прощаемся с Константином Михайловичем Леденцовым! – сказал хорошо поставленный голос из потолка, и тут же заиграла траурная музыка.

Все, включая Надежду, вздохнули с облегчением. Она бросила последний взгляд на гроб перед тем, как закрыли крышку. Собственно, ей удалось увидеть покойника в первый раз, до того плотная толпа не пускала, не давала подойти ближе.

Что ж, это, несомненно, Константин, только очень изменившийся. Если его первая жена сильно похудела с годами, то он, наоборот, здорово раздался вширь, щеки свисали по бокам, и даже в смерти выражение на лице было высокомерное и брезгливое.

Судя по всему, изменился он не только внешне. Надо же, а был нормальным человеком, работающий такой, не скандальный, толковый, приветливый... Говорят же, что большие деньги меняют человека... Да, похоже, что вряд ли Надежде захотелось бы с ним общаться. Ну и не надо теперь...

Гроб уехал вниз, створки подъемника закрылись, поставив точку в траурной церемонии, музыка смолкла, люди потянулись к выходу из зала. Надежда нашла глазами того мужчину, который уронил телефон. От Алисы заместителя оттеснила толпа, он пытался прорваться к ней, но люди не расступались.

У двери снова образовалась давка, и Надежда столкнулась с Лидой и Дашей. Лида была бледна, бескровные губы шевелились, как будто она что-то шептала. Даша выглядела усталой и недовольной, чему Надежда не удивилась. Она улыбнулась обоим и обратилась к Иконникову, чтобы вернуть ему телефон. Пускай он вдове его передаст, что ли, а ей чужого не надо.

– Простите, – начала Надежда, сжав в кармане злополучный телефон, – вы...

Иконников отмахнулся от нее нетерпеливо, он все высматривал впереди Алису и не заметил, как столкнулся с Лидой.

– А вы тут что под ногами путаетесь? – прошипел он.

– Я... – Лида растерялась, ошарашенная таким откровенным хамством, заморгала и попятилась.

Надежда устремилась к ней, чтобы морально поддержать, но тут на пути Иконникова возникла Даша. Она ничего не сказала, но ожгла Иконникова презрительным взглядом. Что, надо сказать, не произвело на него особенного впечатления, однако хамить он не стал. Молча отвернулся и ввинтился в толпу, стремясь к вдове, которая теперь не выглядела такой безутешной. Она сняла дурацкую шляпку, и Надежда смогла рассмотреть ее лицо.

Лицо как лицо, черты правильные, даже привлекательные, макияж наложен умело. В общем, ничего особенного – обыкновенная охотница за богатым мужем. Теперь будет богатой вдовой. Возможно, тут же оговорилась Надежда.

Глядя в спину Иконникову, она подумала, что ни за что не отдаст телефон такому хаму. Да и вообще – с какой стати? Телефон же не его! Телефон принадлежал покойному... Надежда оглянулась в поисках Даши, но увидела только, как та буквально тащит свою мать к выходу, что-то зло выговаривая ей на ходу.

«Не бежать же за ними», – вздохнула Надежда и спрятала телефон в сумочку.

Тем временем все как-то утряслось. Иконников протолкался наконец к Алисе и занял

свой бессменный пост рядом с ней, вроде почетного караула. Тут же маячили бывшая секретарша Леденцова и еще одна крупная дама с большим бюстом, в которой Надежда тотчас угадала главного бухгалтера фирмы, больше просто некому быть. Эти двое суетились, перешептывались, отзывали кое-кого из пришедших – видимо, приглашали особо избранных на поминки. Первым, конечно, позвали Торопыгина.

К Надежде протолкалась Милка, покосилась на всю эту суету и сказала:

– Пошли отсюда! Что нам здесь делать? Отдали Косте последний долг, и ладно!

Тут же рядом с ними возник Валя Голубев:

– Девочки, пошли, действительно нам тут больше нечего делать, я вас на машине подвезу!

Дважды приглашать Надежду не пришлось. Стараясь не привлекать к себе внимания, дружная тройка покинула траурный зал и направилась к парковке.

Впрочем, их ухода никто не заметил. Зато Надежда заметила, как со стоянки отъехал скромный серый «Опель», за рулем которого сидела Даша. Рядом с ней на переднем сиденье Лида закрыла лицо платком, чтобы никто не видел ее слез.

Створки подъемника закрылись, отделив гроб с мертвецом от сдержанной суеты траурного зала. Гроб медленно поехал по длинному транспортеру, приближаясь к огнеупорным дверцам, за которыми бушевало пламя.

Еще несколько минут – и брэнная оболочка человека будет поглощена безжалостной стихией огня...

Техник крематория, который наблюдал за завершающей стадией процесса, протянул руку, чтобы нажать кнопку, открывающую дверцы печи, но вдруг на его плечо легла тяжелая рука.

– Вася? – проговорил техник, поворачиваясь. – Что тебе нужно? Твоя смена через полчаса...

Но за спиной у него стоял не сменщик Вася. За спиной у него стоял совершенно незнакомый человек лет сорока, высокого роста, с длинным лицом, какие называют лошадиным, и коротким ежиком седоватых волос.

– Гражданин, – раздраженно проговорил техник, – гражданин, вы что тут делаете? Тут посторонним нельзя находиться! Тут зона повышенной опасности! И вообще не положено...

– Вот именно! – кивнул незнакомец. – Посторонним нельзя. И вообще не положено. Только вот вопрос, кто здесь посторонний. Уж точно не я.

Он твердой рукой отодвинул техника и нажал кнопку – не ту, которая открывает дверцы, а совсем другую, регулирующую движение транспортера. Лента остановилась.

– Да что вы такое делаете... – обиженно проговорил техник, – технологический процесс нарушаете...

– Что надо, то и делаю!

Возле транспортера появились двое молодых мужчин в белых халатах. Они катили перед собой металлическую каталку, вроде той, на которой возят пациентов в больницах. Ловко переложив на эту каталку труп, они покатали его к выходу.

– А вот теперь можно завершить технологический процесс! – удовлетворенно проговорил незнакомец и нажал одну за другой две кнопки. Лента транспортера поплыла вперед, дверцы печи открылись, и красивый, солидный гроб (модель «Персефона», красное дерево, внутренняя обивка – натуральный шелк) скрылся в пылающем чреве крематория.

Техник вздрогнул и огляделся. Рядом с ним никого не было.

Ни души.

Не было седоватого господина с лошадиным лицом, не было исполнительных парней в белых халатах, не было гроба «Персефона» с его содержимым...

Впрочем, гроб, как и положено по технологии, находился в печи, где пламя превращало его в рой раскаленных молекул. А что в этом гробу никого нет... да кто об этом узнает? И вообще, не померещилось ли это технику, утомленному за долгую смену?

Во всяком случае, начальству лучше ничего не говорить. А то сам же и окажешься крайним.

Валя высадил Надежду возле самого дома, но, уже подходя к подъезду, она вспомнила, что у кота кончились витамины.

Несмотря на то что сейчас было лето, кот находился не на даче у бабушки, а в городе. На даче произошла ужасная метаморфоза – пустовавший на их улице участок купил один такой тип самого бандитского вида. И это бы еще ладно, но у бандюги имелся питбуль – огромная свирепая зверюга, которая ела все живое, что к ней приближалось. Причем на своем участке, обнесенном забором, питбуль, естественно, бегал без поводка. Уничтожив всех мышей и лягушек, питбуль принялся за котов. Известно ведь, что коты – животные своенравные, ходят, где вздумают, никакие заборы им не указ.

Поначалу дачное сообщество не слишком взволновалось – коты летом живут свободно, могут по три дня домой не приходить, появляются, только когда проголодаются.

Первым забеспокоилась хозяйка Персика – пушистого красавца, цветом напоминающего мороженое крем-брюле. Персик был ленив и вальяжен, ночами гулял редко, предпочитал спать в теплой хозяйкиной постели. И вот пропал.

Искали, бегали по участкам, написали объявления, расклеили их на столбах – все впустую. Хозяйка едва не заболела от горя. Потом тетя Тоня, жена сторожа, хватилась своего Васьки – обычного полосатого подзаборника. Васька был тот еще вороватый прохиндей, решили, что он сбежал или попал под машину. А когда пропал старый полуслепой Кузя у соседей Надеждиной матери, другая соседка принесла новости. Она-де видела своими глазами, как новый хозяин участка, тот самый бандюган, рано утром вывез останки несчастного Кузи на тачке и выбросил их в овраг.

Вездесущие мальчишки слазили в овраг и нашли там и Персика, и Ваську, точнее то, что от них осталось. И еще несколько неопознанных кошачьих тел.

От такого вопиющего безобразия дачники просто оторопели, затем поднялась волна возмущения. Докатившись до забора бандюгана, волна остановилась, потому что хозяин крикнул матом, чтобы не совались, а то у него питбуль некормленный со вчера. Сам питбуль вторил ему злобным лаем.

Услышав такие новости от матери по телефону, Надежда тут же рассказала обо всем мужу. Сан Саныч немедленно взял отгул и забрал Бейсика с дачи, несмотря на то, что все домашние, включая кота, твердили ему, что Бейсик – умный кот, не полезет на участок к питбулю, что ему там делать-то...

Сан Саныч предпочел не рисковать, и за это кот не разговаривал с ним три дня. Сан Саныч тоже страшно переживал, что кот недополучит порцию солнца и свежего воздуха, и решил для компенсации откармливать кота витаминами.

В принципе, Надежда считала, что кот и без витаминов прекрасно себя чувствует, но

муж относился к коту трепетно, считал, что тому для здоровья обязательно нужно каждый день принимать специальные кошачьи витамины, и два дня назад, уезжая в очередную командировку, взял с Надежды честное слово, что она будет ежедневно подкармливать кота целебными таблетками.

Первые два дня Надежда так и делала, но вчера витамины кончились, а если кот пропустит хоть один день, Сан Саныч об этом непременно узнает (у них с котом был какой-то свой метод обмена информацией), и Надежде здорово попадет.

Идти в зоомагазин Надежде не хотелось, тем более – в ветеринарную аптеку, поэтому она зашла в соседний круглосуточный магазинчик, где продавалось все подряд, и спросила скучающую продавщицу, нет ли у нее витаминов для кошек.

Та ужасно обрадовалась, что к ней кто-то зашел, перерыла кладовку и нашла яркий пакетик с надписями на финском. Ни Надежда, ни продавщица финским языком не владели, но на пакетике был нарисован веселый, жизнерадостный кот, чем-то похожий на Бейсика. Это сходство и решило проблему: Надежда купила витамины и отправилась домой.

Рыжий пушистый Бейсик имел своенравный характер. Хозяина он любил (и Сан Саныч отвечал ему взаимностью), к Надежде относился сдержанно. Около дверей ее обычно не встречал, лениво выглядывая из кухни. Тем более летом, когда все уважающие себя коты проживают на даче, где мыши, птички, кроты и землеройки бегают непугаными стаями. А он тут...

Но на этот раз, едва Надежда вошла в квартиру, Бейсик устремился к ней с душераздирающим мяуканьем и принялся тереться о ее ноги, умильно заглядывая в глаза.

– Что ты, Бейсинька? – проговорила тронутая до глубины души Надежда. – Соскучился?

Бейсик громко мяукнул, что, по-видимому, должно было значить на кошачьем языке «да».

Надежда сбросила уличные туфли, поставила сумку на пуфик и отправилась на кухню. Кот отчего-то сразу утратил к ней интерес, на кухню не пошел, а остался в прихожей.

Надежда Николаевна решила сварить себе чашечку кофе – в конце концов, она заслужила небольшой отдых после посещения крематория. Милка предлагала зайти в какое-нибудь кафе, но Валя торопился на работу, так что ничего не вышло. Надежда насыпала в джезву кофе, поставила ее на плиту...

И тут услышала доносящиеся из прихожей подозрительные звуки.

Сначала раздался звук падения, потом – какое-то жуткое подвывание, временами переходящее в душераздирающий вопль.

– Бейсик, что с тобой?! – воскликнула Надежда и бросилась в прихожую.

Ее сумка валялась на полу, все содержимое было в беспорядке рассыпано вокруг. Бейсик с горящими глазами раздирал когтями финский пакет и выгребал оттуда розовые таблетки, которые тут же с громким чавканьем поедал.

Так вот в чем крылась причина неожиданной любви к хозяйке! Так вот почему он ее так обхаживал! Кот почувствовал сквозь упаковку запах этих витаминов, и этот запах привел его в неистовство...

Надежда схватилась за сердце. Она представила, что устроит ей муж, если с Бейсиком по ее вине что-нибудь случится. А ведь ему наверняка станет плохо, если он сожрет целую упаковку витаминов...

Надежда коршуном бросилась на кота и выхватила у него пакет. К счастью, в нем осталось больше половины таблеток. Кот кинулся на Надежду, пытаясь вернуть утраченное

лакомство. Надежда с трудом отбилась от него при помощи тапки, спрятала пакет в недоступное для кота место (был у нее на балконе специальный, надежно закрывающийся шкафчик) и задумалась, не нужно ли сделать Бейсику промывание желудка.

«Только попробуй!» – ответил Бейсик на эту мысль взглядом зеленых глаз и удалился на кухню.

– Да, пожалуй, в одиночку мне не справиться! – вздохнула Надежда и принялась собирать с пола содержимое своей сумки.

Среди прочих высыпавшихся из сумки мелочей ей попался под руку мобильный телефон. Надежда взглянула на него с удивлением – телефон был явно не ее. Вообще, самая примитивная модель, каменный век, дешевая пластмассовая штучка. Но тут она вспомнила эпизод на похоронах и поняла, что это – тот самый телефон, который зазвонил в кармане покойника. Как неудобно – получается, что, хоть и случайно, она взяла чужую вещь. Как мародер какой-нибудь...

Надежда Николаевна задумалась, что теперь делать, и в этот самый момент злополучный телефон издал короткий писк, извещающий о получении сообщения.

Тут же из кухни выглянул кот – сигнал телефона был отдаленно похож на мышинный писк.

– Можешь не беспокоиться, – машинально отмахнулась Надежда от Бейсика, – мышей у нас в доме пока что нет...

Она знала, что читать чужие письма нехорошо, но в данном случае адресат сообщения уже мертв и даже кремирован, и вообще, история с телефоном была какая-то темная...

Надежда открыла сообщение.

На телефон пришло изображение – фотография симпатичной девушки. Приглядевшись к ней, Надежда узнала Дашу, дочку покойного Константина от первого брака. На фотографии Даша выглядела гораздо лучше, чем сегодня на похоронах. Волосы уложены, глаза блестят, улыбка хорошая. Красивая девушка, что и говорить.

Надежда не успела как следует удивиться, как почувствовала доносящийся из кухни запах подгорелого кофе. Она кинулась на этот запах... и застонала: конечно, из-за кота и телефона она забыла про джезву, и кофе убежал...

Надежда Николаевна тяжело вздохнула, вылила остатки кофе, вытерла плиту, ополоснула джезву и только хотела засыпать в нее новую порцию арабики, как злополучный телефон снова подал голос. На этот раз он звонил – точно так же, как тогда, на панихиде в крематории: негромкое мелодичное щебетание.

Надежда вздрогнула, но не удержалась – нажала на зеленую кнопку и поднесла трубку к уху. Она хотела ответить, но внезапно перехватило горло, и вместо ответа получился только какой-то невнятный звук.

Из трубки донесся тихий, словно специально приглушенный голос.

– Ты видел фотографию? Видел, видел, можешь не отвечать! Так вот, если не хочешь, чтобы с ней что-то случилось... что-то очень плохое... приходи сегодня в восемнадцать ноль-ноль в южный атриум торгового центра «Терраса» и принеси сам знаешь что!

Не успела Надежда ответить, как из трубки стали слышны короткие гудки.

Она в растерянности смотрела на телефон, и в это время совсем рядом раздался негромкий скрип.

Надежда вздрогнула и повернулась на звук. Это был всего лишь Бейсик. Он стоял на пороге и смотрел на хозяйку так, как будто видел насквозь и читал ее мысли. И очень эти

мысли не одобрял.

Впрочем, Надежда и сама их не одобряла. Опять она ввязывается в какую-то явно криминальную историю, которая ее совершенно не касается! Ну вот зачем, спрашивается, она подобрала этот злополучный телефон? Нужно было отпихнуть его ногой как можно дальше! Нужно было сделать вид, что она его не заметила! Или раздавить!

Но что говорить об этом теперь?.. Теперь нужно избавиться от телефона, и как можно скорее, пока не случилось что-нибудь непоправимое... избавиться и забыть про телефон, как будто его и не было!

И тут Надежда Николаевна вспомнила фотографию на дисплее телефона. Фотографию Костиной дочки. Как сказал тот человек? «Если не хочешь, чтобы с ней что-то случилось... что-то очень плохое...»

Выходит, если Надежда избавится от телефона, с Дашей произойдет что-то ужасное. Она вспомнила Дашу... вспомнила измученное, опустошенное лицо ее матери, Лиды...

Нет, если с Дашей что-то случится, она, Надежда, никогда себе этого не простит!

Значит... значит, нужно идти в торговый центр «Терраса», расположенный в самом центре города, на Невском. Как сказал тот человек? «Принеси сам знаешь что!» Но Надежда понятия не имела, что он имел в виду! Тогда что она может сделать? Разве что посмотреть со стороны, узнать, кто придет на эту встречу...

Вот только узнает ли она этого человека? А вот он Надежду вполне может узнать, она ведь крутилась там, в крематории, возле Даши и ее матери. Учитывая угрозы, человек этот опасен, а она, Надежда, не придумала ничего лучше, чем переться на встречу. Вот вечно ей больше всех надо!

И тут Надежде пришла в голову разумная мысль. Тот, кто звонил по злополучному телефону, наверняка думал, что разговаривает с Константином. Значит, он не знает, что Константин умер... А какой вывод из этого напрашивается? Этот человек не был на похоронах... и Надежду ни за что не узнает. Как и она – его. То есть тупик.

Но тогда... тогда нужно связаться с Дашей и все ей честно рассказать. Про случайно попавший к Надежде телефон, про снимок Даши и про угрозы. Возможно, Даша что-то про это знает, во всяком случае, она будет осторожна. Как говорится: предупрежден – значит вооружен.

Надежда сорвалась с места и полетела в прихожую, где в тумбочке нашла старую телефонную книжку, а в ней – номера телефонов бывших коллег и сотрудников. Надежда хранила книжку на всякий случай – мало ли, понадобится разыскать старого знакомого? Никогда ведь не знаешь, как жизнь обернется...

Ага, вот Леденцов К. М. И домашний телефон. Что ж, если в этой квартире живут посторонние люди, возможно, они дадут номер Лиды.

Надежда набрала номер и сама удивилась, когда в женском голосе узнала голос Лидии.

– Лида, это Надя, – заторопилась она, – ты извини, что беспокою, но мне нужно с тобой поговорить. Это касается...

– Это не Лида, – перебили ее, – это ее дочь.

– Ах, Даша, ну надо же, как голос похож... Я...

– Моя мать не может с вами разговаривать, – отчеканила Даша, – она приняла успокоительное и спит. Я не стану ее будить, с нее и так на сегодня достаточно.

– Я понимаю, но...

– Нет, вы не понимаете! Вы звоните просто из любопытства, вам поболтать хочется, а

она больна. И не звоните сюда больше, ни к чему это! Матери только хуже будет от разговоров!

Надежда оторопело поглядела на плакающую в руках трубку. Однако сегодня что-то многовато досталось на ее долю грубости и хамства. Впрочем, нужно подойти к Даше соответственно, все же она отца потеряла. Но все равно неприятно. Черт, и все из-за Милки! Не ходила бы Надежда на эти похороны, так и не было бы сейчас никаких проблем!

Тут Надежда взглянула на часы. Неизвестный злодей назначил встречу на восемнадцать часов, так что до нее осталось чуть больше часа. Если Надежда и дальше будет раздумывать, колебаться и терзаться сомнениями, она на эту встречу просто опоздает. И тем самым упустит единственный шанс хоть как-то повлиять на события. Хоть как-то помешать тому ужасному, что может случиться с Дашей. Хотя девушка говорила с ней грубо, все же в память о Косте нужно ей помочь. Опять же, Лиду жалко.

Надежда ничуть не сомневалась, что тот человек не шутил. Она быстро собралась и поехала на Невский. Оделась на всякий случай понезаметнее, но не в темное, как на похороны. Брюки, курточка серенькая, никаких ярких шарфиков и кепочек.

Мужчина средних лет в китайском тренировочном костюме и домашних тапочках шел по больничному коридору. Увидев врача, он кинулся к нему, нервно сжимая руки.

Врач остановился, склонил голову к плечу:

– Что у вас, Селезнев?

– Анатолий Сергеевич! – Пациент прижал руки к груди. – Ну, когда же наконец? Я уже третий день жду операции!

– Что делать, голубчик, что делать! – Врач широко развел руками, воздел глаза к потолку, как будто проверял, хорошо ли работают светильники. – Что делать, у нас всего одна операционная, а пациентов много, и у некоторых более срочные показания! У вас же плановая, Селезнев... подождите еще денек...

– Еще денек?

– Ну, денек-другой...

– А никак нельзя это ускорить?

– Ну почему же нельзя? – Врач пристально взглянул на пациента, в его глазах проступило выражение глубокого раздумья. – Всегда можно что-то придумать, если постараться...

– А вы постарайтесь! – Пациент подошел вплотную к врачу, в его руке появился конверт.

Врач быстро оглядел коридор, и конверт исчез в кармане его халата. В глазах появилась симпатия.

– Думаю, Селезнев, можно что-то придумать, – сказал он, взяв пациента за локоть, – будем готовить вас к операции... действительно сколько можно ждать...

Проводив пациента удовлетворенным взглядом, врач направился к ординаторской. Однако перед входом в нее столкнулся с незнакомым человеком – высоким мужчиной лет сорока, с длинным, породистым лицом, какое обычно называют лошадиным, и с коротким ежиком седоватых волос. Он не был врачом, во всяком случае, не из этого отделения. Не был он и пациентом – слишком уверенно и независимо держался. И слишком здоровым выглядел. Кроме того, он был неправильно одет. Хороший темно-синий костюм, модные ботинки. Пациенты так не одеваются. Даже весьма обеспеченные пациенты приходят в больницу в чем-нибудь попроще, чтобы вызвать сочувствие и сострадание.

– Анатолий Сергеевич? – проговорил незнакомец негромким, но властным голосом. – Анатолий Сергеевич Лизюков?

– Да, это я, – ответил врач, почувствовав себя как-то неудобно. Он захотел поставить этого незнакомца на место и проговорил строгим голосом: – Почему вы в уличной обуви? В отделение можно входить только в сменной обуви или, в крайнем случае, в бахилах.

– А мы здесь не задержимся, – отозвался незнакомец, – мы с вами сейчас уйдем из отделения.

– Мы с вами? – Брови врача удивленно поднялись. – Я никуда с вами не пойду. Я очень занят. Мне нужно готовить больного к операции.

– Ах, ну да... Селезнева... дождался наконец? Или проявил аналитические способности и сумел ускорить процесс? – Незнакомец как бы случайно взглянул на карман халата.

– Не понимаю, о чем вы, – Анатолий Сергеевич взялся за ручку двери, – извините, мне некогда...

– Прекрасно понимаете!

– Да вы, собственно, кто такой?

– А вот это вам знать не обязательно.

– Очень интересно! Раз вы не хотите представиться, я с вами никуда не пойду!

– Пойдете, Анатолий Сергеевич, пойдете!

Врач отвернулся и снова взялся за ручку двери, но незнакомец проговорил ему в спину:

– Вы меня даже не спросили, куда я хочу вас пригласить.

– И куда же?

– Я хочу, чтобы вы взглянули на одного человека.

– Какого еще человека?

– На Константина Леденцова. Это ведь вы подписали свидетельство о его смерти?

– Ну, допустим, я. – Врач снова повернулся к собеседнику, в его глазах появилась тревога.

– И вы указали как причину смерти острую сердечную недостаточность?

– Так оно и было.

– Так вот, я хочу, чтобы вы еще раз взглянули на Леденцова и подумали – может быть, вы увидите другую причину.

– А вот это не получится, – Анатолий Сергеевич усмехнулся, – Леденцова кремировали.

– Надо же, вам об этом уже сообщили? Значит, вы очень беспокоились, как бы что не всплыло!

– Ничего это не значит! – огрызнулся врач. – Просто я знаком с... с человеком, хорошо знавшим Леденцова, и случайно узнал...

– Не доверяйте случайной информации! Она может быть преждевременной. Ваш информатор поспешил. Так что? Хотите еще раз взглянуть на труп Леденцова?

– Мне некогда!

– А придется!

Анатолий Сергеевич Лизюков и сам не понял, как переоделся в гражданское, как покинул родное хирургическое отделение, как вышел из больницы и оказался на заднем сиденье большой черной машины. Рядом с ним сидел крепкий парень в темном костюме, с каменным подбородком и непроницаемым взглядом. Еще один, удивительно похожий на первого, сидел за рулем. Рядом с водителем находился тот самый седоватый человек с лошадиным лицом.

Анатолий Сергеевич вздрогнул и обратился к своему соседу:

– Куда мы едем?

Тот, однако, ничего не ответил и даже не шевельнулся.

– Но мне нужно готовить пациента Селезнева к операции! – страдальческим тоном проговорил врач. – Он уже несколько дней ждет своей очереди!

Сосед опять ничего не ответил, зато седоватый человек повернулся и процедил:

– Боюсь, что придется вернуть ему деньги!

– Какие деньги?! – Анатолий Сергеевич хотел возмутиться, но передумал: этот человек знает слишком много, и нет смысла изображать перед ним невинность. Тем более что-то подсказывало Лизюкову, что этого человека интересуют не его маленькие шалости с конвертами, а кое-что более серьезное.

Машина некоторое время петляла по переулкам Петроградской стороны, затем въехала в какие-то ворота и наконец остановилась. Анатолия Сергеевича достаточно грубо высадили и провели к крыльцу двухэтажного особняка дореволюционной постройки. Двое крепких парней сопровождали его с двух сторон с прежними каменными лицами.

Войдя в холл, они направились к лифту. Лизюков удивился: зачем нужен лифт, если в доме всего два этажа? Разве что для инвалидов... Но вскоре ему пришлось удивиться еще больше: лифт поехал не вверх, а вниз.

Через несколько секунд кабина остановилась, Анатолия Сергеевича вывели из лифта, провели по узкому коридору, и он оказался в операционной – самой настоящей, хорошо оборудованной, ничуть не хуже той, в которой Анатолий Сергеевич работал по утрам.

Необычным было то, что посреди операционной на ярко освещенном столе лежал не подготовленный к операции пациент, а труп. Причем труп с расплоскованной грудной клеткой и выставленными напоказ внутренними органами.

– Узнаете? – проговорил голос за спиной.

Лизюков обернулся и увидел все того же седоватого типа с лошадиным лицом.

– А что – должен? – фыркнул Анатолий Сергеевич.

– Вообще-то должны! Так что, вы этого человека... точнее, этого покойника раньше не видели?

– Нет, не видел.

– Очень странно! – Седой протянул ему какую-то бумагу. – Это ведь ваша подпись?

– Вроде бы моя... – Лизюков прочитал первые строчки: – Свидетельство о смерти... Леденцов Константин Михайлович... причина смерти – острая сердечная недостаточность...

– Так ваша это подпись? – повторил седой.

– Мо... моя...

– Интересно! Свидетельство о смерти подписали вы, а этого покойника раньше не видели...

– Ну, может быть, и видел... – замялся Лизюков, – разве всех упомнишь? Я не всех своих живых пациентов помню, а вы хотите, чтобы еще и покойников... тем более в таком виде... после вскрытия... знаете, вскрытие очень меняет внешность!

– Я ничего не хочу! – перебил его седой. – Точнее, я хочу только выяснить истину. Вы подписали это свидетельство, даже не видя умершего? За глаза, так сказать?

– Ничего подобного! – огрызнулся Лизюков. – Я сделал все как положено. Осмотрел его, определил причину смерти и оформил надлежащие документы...

– Это вряд ли! – Седоватый господин повернулся и громко проговорил, обращаясь к

кому-то третьему. – Александр Иванович, какова, на ваш взгляд, причина смерти этого человека? Может это быть острая сердечная недостаточность?

Только теперь Лизюков заметил, что кроме него и седого в операционной был еще один человек – немолодой мужчина в голубой хирургической униформе, в закрывающей лицо маске и защитных пластиковых очках. Явно коллега.

Незнакомый хирург сдвинул маску на подбородок и проговорил уверенным сухим голосом:

– Ни в коем случае! Сердце у него в отличном состоянии, что даже удивительно в его возрасте и при его образе жизни.

– Тогда отчего же он умер?

– Чтобы дать стопроцентно верный ответ, мне нужно провести лабораторное исследование тканей, но уже сейчас по состоянию внутренних органов и по косвенным признакам я могу сказать, что он отравлен. Эксперт определит точный состав яда, со своей стороны скажу, что я уверен в отравлении.

– Спасибо, Александр Иванович! – Седой повернулся к Лизюкову. – Как видите, ваш коллега не подтвердил причину смерти, которую вы указали в свидетельстве.

– Ну, мало ли что говорит мой коллега! Медицина – это не точная наука, и у двух врачей вполне может быть разное мнение по одному и тому же поводу... для того и создают консилиумы...

– Это так, – заговорил незнакомый хирург, снимая шапочку, – но одно дело – разное мнение, высказанное после всестороннего осмотра, и совсем другое – если недобросовестный врач оформляет свидетельство о смерти, даже не взглянув на труп!

– То есть как это – не взглянув? – возмутился Лизюков. – Я его осмотрел... А что я не делал вскрытия, так я не патологоанатом. Я определил причину смерти исходя из вторичных, внешних признаков, таких как посмертные гематомы, синюшное окрашивание тканей... ну, вы же врач, вы должны это понимать!

– Именно потому, что я врач, вы не сможете убедить меня своими совершенно безграмотными заявлениями! Все внешние признаки указывают не на сердечную недостаточность, а на отравление!

– Но я опытный врач и не мог настолько ошибиться! Просто сейчас прошло слишком много времени с момента смерти, и теперь уже нельзя поставить достоверный диагноз... произошли слишком большие органические изменения...

– Тем не менее основные признаки отравления по-прежнему налицо. А вы поставили свой диагноз, даже не взглянув на труп!

– Это клевета!

– Это вовсе не клевета, – снова вступил в разговор седоватый мужчина, – вы ведь участвовали в конференции практикующих хирургов, которая проходила в Москве несколько дней назад?

– Ну да, участвовал...

– Стало быть, в этот день, который указан в заключении, вас вообще не было в городе. Так?

– Выходит, так... – растерянно промямлил Лизюков.

В торговом центре «Терраса», как всегда, царило оживление, и южный атриум, о котором говорил неизвестный злоумышленник, был, пожалуй, самым людным местом.

Только теперь Надежда всерьез задумалась, как она в такой толчее определит нужного человека. Здесь и хорошего знакомого не сразу найдешь, что уж говорить про человека, которого ни разу в жизни не видела...

До назначенного времени оставалось десять минут.

Надежда подошла к эскалатору, поднялась на второй этаж и нашла на открытой галерее удобное место, откуда хорошо просматривался весь атриум.

Сверху было гораздо лучше видно снующих внизу людей, но их все равно было слишком много, чтобы узнать среди них того единственного, которого она хотела найти. Тем более что Надежда его никогда не видела и не знала никаких примет. В общем, как в детской сказке – найди то, не знаю что.

Правда, Надежда Николаевна могла сразу исключить большую часть толпы – тех, кто целеустремленно двигался через атриум, оглядывая магазинчики и бутики вокруг. Ее интересовали только те, кто стоял на месте или двигался кругами, без определенной цели, кого-то ожидая. Впрочем, и таких людей было много.

И тут у Надежды появилась замечательная мысль. Она опасливо огляделась по сторонам, вытащила злополучный телефон, доставшийся ей от покойника, и набрала тот номер, с которого звонил неизвестный шантажист. При этом Надежда внимательно оглядывала стоящих внизу, в огромном атриуме, людей.

Она заметила трех человек, которые разговаривали по мобильному телефону. Высокую девушку с длинными светлыми волосами Надежда отбросила сразу – таинственный голос в трубке был мужской.

Пригляделась внимательно к представительному мужчине средних лет в приличном твидовом пиджаке, но к этому мужчине подошла интересная женщина лет сорока в нарядном шелковом платье, они расцеловались и двинулись к небольшому ресторану. Мужчина чуть приобнял свою спутницу за плечи, и на лице его была такая радость, что Надежда мгновенно исключила этого человека из списка подозреваемых.

Остался только один подозрительный тип – невысокий тщедушный мужичок с зачесанными на лысину редкими бесцветными волосами, с маленькими, близко посаженными бегающими глазками и острым, вытянутым носом, который делал своего обладателя похожим на большую крысу. Сходство еще усиливалось оттого, что он то и дело поводил этим носом по сторонам, словно к чему-то принюхиваясь. Ну да, он оглядывал окружающую толпу, пытаясь понять, кто ему позвонил.

Надежда почувствовала что-то вроде разочарования. Прислушавшись к своим чувствам, она поняла их причину: подсознательно она ожидала увидеть кого-то серьезного, по-настоящему опасного, этакую демоническую личность. А тут мелкий жулик, жалкое создание... Вместе с тем она немного успокоилась: такой тип вряд ли может причинить Даше или Лиде серьезный вред.

Однако, раз уж она сюда пришла, нужно довести дело до конца. Ну, хотя бы выследить этого шантажиста...

Надежда торопливо спрятала телефон в карман, спустилась на первый этаж и устремилась к тому месту, где только что стоял похожий на крысу тип.

Спускаясь на эскалаторе, Надежда Николаевна потеряла его из виду и теперь вертела головой, вглядываясь в толпу и стараясь отыскать знакомую фигуру. На том месте, где он только что стоял, теперь болтали две девчонки лет восемнадцати. Скользнув по Надежде равнодушными взглядами, они продолжили свой разговор.

Надежда прошла дальше, снова огляделась и наконец увидела в дальнем конце атриума тщедушную фигуру с залезшими на лысину волосами.

Шантажист быстро удалялся, однако, приглядевшись к нему, Надежда поняла, что идет он не по своей воле: с двух сторон его поддерживали два рослых парня спортивного вида.

Нет, подумала Надежда, приглядевшись к этим двоим, не спортивного, а самого что ни на есть делового – коротко стриженные, аккуратно одетые, в одинаковых темных костюмах, с одинаковым каменным выражением лиц. Впрочем, лица Надежда видела лишь мельком, в данный момент перед ее глазами маячили две широкие спины, даже в костюмах видно было, что мускулистые.

Шантажист чуть ли не висел в руках двух слишком серьезных молодых людей, вяло перебирая ногами. Время от времени он вертел головой, словно пытаясь кого-то найти в толпе, и каждый раз один из провожатых чувствительно тыкал его кулаком в бок, чтобы пресечь эти попытки.

Впрочем, если особенно не приглядываться, можно было подумать, что через толпу пробираются три закадычных приятеля, один из них немного перебрал спиртного, и двое других поддерживают его, чтобы тот не потерял равновесие... Хотя, конечно, если поразмыслить, то у этих троих было мало общего. Видно, что люди ведут его куда-то для дела, а не просто так.

В первый момент Надежда почувствовала злорадство: так тебе и надо! Не будешь угрожать порядочным людям! Но уже в следующую секунду подумала, что не все тут так просто и что те двое, которые ведут шантажиста под руки, выглядят куда серьезнее, чем он сам. И не стали бы эти парни возиться с таким огрызком, если бы не стоял за ним кто-то более сильный. И если Даше и Лиде грозит серьезная опасность, то не от хлипкого мужичка с залезшими волосами, а от тех, кто стоит за ним.

Тут подозрительная тройца, за которой наблюдала Надежда, свернула к лифтам. В это время как раз открылись двери кабины, и они скрылись из виду.

Надежда устремилась следом за ними.

Конечно, она не хотела оказаться в одной с ними кабине, но не хотела и потерять их из виду.

Кабина поползла наверх.

Надежда нажала на кнопку вызова, но все кабины, как назло, были наверху. Рядом с Надеждой тут же оказалось человек восемь, которые тоже хотели ехать на верхние этажи, так что, когда кабина наконец подъехала, Надежда едва сумела в нее втиснуться.

Кабина медленно двинулась наверх. Через ее стеклянные стены можно было видеть проплывающие мимо магазины, снующую по ним публику...

Надежда вертела головой, чтобы не пропустить подозрительную тройцу. На каком этаже они вышли?

Лифт проехал мимо второго этажа, мимо третьего...

– Вам на четвертый? – вежливо осведомился у Надежды мужчина лет сорока.

Оказывается, кроме них в лифте больше никого не осталось, все остальные вышли.

– Ага, на четвертый! – кивнула Надежда.

Кабина снова поплыла вверх.

И тут Надежда их увидела. Они стояли в тупичке, образованном галереей третьего этажа. В этом конце галереи не было никаких магазинов, соответственно, не было и людей. Наверное, там размещались технические службы торгового центра.

Над головой у мужчин находился неисправный потолочный светильник – он то вспыхивал, освещая лица резким искусственным светом, то гас, оставляя их в полутьме.

На первый взгляд, трое мужчин разговаривали. Однако, приглядевшись, Надежда поняла, что один из плечистых напарников держит тщедушного шантажиста за локти, так что тот не может пошевелиться, а второй о чем-то его спрашивает. Видимо, шантажист ничего ему не ответил, или ответ не удовлетворил спрашивающего, только тот, выждав секунду, ударил тщедушного типа в солнечное сплетение. Удар был короткий и молниеносный, так что, если бы Надежда не следила за происходящим, она бы ничего не заметила. Шантажист дернулся от боли, закашлялся и обвис. В это мгновение неисправный светильник снова вспыхнул, ярко осветив его лицо – мертвенно-бледное, осунувшееся, покрытое испариной. Вторым парень встряхнул шантажиста, прижал к хромированным перилам галереи, и, как только тот пришел в себя, последовали новый вопрос и новый удар.

Надежда метнулась было к двери лифта, но кабина уже плыла наверх.

– Я же вас спросил, на какой вам этаж! – недовольно проговорил мужчина в лифте.

– Да-да... – отозвалась Надежда, – все в порядке... мне показалось, что я увидела знакомого...

Теперь сцену на галерее от нее заслонил огромный рекламный баннер.

Наконец кабина доехала до четвертого этажа. Надежда выскочила из нее и заметалась в поисках ведущего вниз эскалатора. Эскалатора она не нашла, но нашла обычную лестницу и припустила по ней вниз.

Добежав до третьего этажа, Надежда рванула в том направлении, где видела подозрительную сцену. Правда, сначала повернула не в ту сторону и оказалась в большом обувном магазине, где проходила распродажа и было полно посетителей. Выйдя из магазина, Надежда на этот раз правильно сориентировалась и нашла тот тупичок, который видела из лифта.

Вот нервно мигающий потолочный светильник, то заливающий галерею резким неоновым светом, то погружающий ее в таинственную полутьму; вот хромированные перила, к которым парень в темном костюме прижимал тщедушного шантажиста. Только теперь в тупичке никого не было – ни двух так похожих друг на друга парней, ни их трясущейся жертвы.

Надежда удивленно огляделась по сторонам. Ни души. Она перегнулась через перила галереи.

Внизу, как муравьи в растревоженном муравейнике, сновали по атриуму покупатели. Только вот среди них Надежде никак не удавалось найти знакомые фигуры. Тогда она достала телефон, найденный в кармане покойного Константина, и снова вызвала тот же самый номер. Однажды этот трюк уже помог ей вычислить шантажиста в толпе посетителей торгового центра. Но на этот раз внизу было слишком много людей, и Надежда поняла всю бессмысленность этого занятия.

И тут она услышала знакомый звонок. Только доносился он не снизу, а сзади. Мобильный телефон звонил у нее за спиной. Точнее, не звонил, а мелодично позванивал.

Надежда вздрогнула и обернулась. Ей показалось, что кто-то подкрадывается к ней сзади...

За спиной у нее, как и прежде, не было ни души, но мобильный телефон продолжал звонить. Внимательно приглядевшись к стене галереи, Надежда увидела в ней неприметную, почти сливающуюся со стеновыми панелями дверцу. Она подкралась к этой дверце и

остановилась перед ней в нерешительности. Оттуда доносились мелодичные переливы.

«Ну да, – подумала Надежда, – все ясно: парни просто выбросили этот телефон, перед тем как уйти, чтобы по его сигналу нельзя было найти похищенного ими человека. Вполне логичный поступок, если мыслить как преступник. За этой дверцей никого нет. Никого и ничего, кроме упорно звонящего телефона. Можно спокойно открыть эту дверцу и убедиться в своей правоте. Или – еще лучше – не открывать ее и отправиться домой...»

Но Надежда уже потянула дверцу на себя. К счастью (или, может быть, к несчастью), та была не заперта и легко отворилась...

Надежда чуть не заорала от ужаса и неожиданности.

За дверью оказалась маленькая комнатка, что-то вроде кладовки. И из этой кладовки прямо на Надежду смотрели пустые, мертвые глаза. Маленькие крысиные глазки тщедушного шантажиста. Он по-прежнему был похож на крысу, только теперь – на крысу мертвую, больше не представляющую никакой опасности.

– Ну вот, опять двадцать пять! – вслух проговорила Надежда. – Опять я наступила на те же самые грабли! Опять влипла в откровенный криминал! Ну что я за человек... притягиваю преступления, как громоотвод притягивает молнии!

Звук собственного голоса немного ее отрезвил. Она пригляделась к мертвецу, а то, что перед ней мертвец, не вызывало никаких сомнений. Шантажист полусидел, привалившись спиной к стене кладовки. Его рот был полуоткрыт, лицо отдавало мертвенной синевой, на бледных губах выступила пена, маленькие глазки были выпучены, как у выброшенной на берег рыбы... Вот именно, как у рыбы, выброшенной на берег и задохнувшейся в чужеродной среде.

Тут Надежда вспомнила, как на ее глазах у одного сослуживца случился приступ астмы. Его лицо тогда приобрело такой же синеватый оттенок, глаза были так же выпучены, он дышал часто и слабо, со свистом. К счастью, он успел достать ингалятор, вдохнул лекарство – и постепенно пришел в себя. Но они все тогда здорово испугались – человек помирает, а сделать ничего нельзя. Сотрудник был у них новый, так что никто не знал про его болезнь. Ну, потом уже все в курсе были, он ингаляторы держал и в кармане одежды, и в ящике стола.

Так что же – выходит, этот шантажист был астматиком и умер от приступа? И тут Надежда увидела еще одно доказательство этой гипотезы: на полу возле мертвого тела валялся ингалятор с лекарством. Шантажист успел достать его, но не успел воспользоваться... А эти двое, значит, бросили его тут, «скорую» вызывать не стали.

Тут Надежда осознала, что телефон в кармане мертвеца все звонит и звонит. У нее было ощущение дежавю – все было точно так же, как в крематории. Только тогда нашелся мужчина, который взял на себя неприятную обязанность – вытащил телефон из кармана мертвеца и заставил его замолчать. Сейчас рядом никого не было, так что придется сделать это самой...

Надежде ужасно не хотелось дотрагиваться до мертвеца. Но и слушать бесконечные трели телефона больше не было сил.

В это время в коридоре послышались чьи-то приближающиеся шаги.

Надежда похолодела. Если те, кто идет по этому коридору, услышат сигнал телефона, они непременно заглянут в эту кладовку и застанут Надежду над трупом... Конечно, в конце концов она сумеет оправдаться, сумеет доказать, что она ни при чем, но сперва ей придется пережить немало неприятных минут. И хорошо, если минут, а не часов. И ей еще повезет,

если вся эта история не дойдет до мужа...

Этот аргумент заставил Надежду Николаевну принять решение. Нет, нужно заставить телефон умолкнуть! Она наклонилась над трупом, с неприятным чувством сунула руку в карман, чувствуя себя мародером, вытащила оттуда телефон и нажала на кнопку отбоя...

Телефон замолчал, Надежда плотнее притворила дверь кладовки и с облегчением перевела дух. И только теперь до нее дошло, что она могла поступить гораздо проще – не шарить по карманам покойника, а нажать кнопку отбоя на своем телефоне. Ну, как говорится, умная мысль приходит опосля...

Тем временем шаги приближались. Теперь Надежда отчетливо слышала, что по галерее идут, негромко переговариваясь, два человека.

– Ну, какой тут светильник мигает? – ворчал один из них.

– Да вот же, Степаныч, ты что, не видишь?

– Да я-то, может, и вижу, а кроме нас с тобой, никто не видит! В этот коридор ни одна душа не заглядывает, так не все ли равно, мигает он или не мигает?

– Душа-то, может, и не заглядывает, а Антонина Максимовна может заглянуть, ты ведь ее, Степаныч, знаешь! Она всюду норовит свой нос сунуть! А ежели она этот светильник увидит, нам с тобой достанется! Ты ведь ее знаешь, она непорядок не любит!

– Это тебе, может, достанется, а мне на нее наплевать! Я – человек маленький, что она мне сделает? Уволит, что ли? Да где она другого дурака найдет за такие деньги?

– Это ты сейчас, Степаныч, храбришься, пока ее тут нет. А как ее увидишь – сразу пойдешь на попятный... ты ее знаешь, Антонину Максимовну, она умеет страху нагнать... и вообще, Степаныч, что же я, зря стремянку тащил? Давай уж, полезай, тут всей работы, может, на пять минут! С твоей-то квалификацией!

Если этот человек надеялся, что такая примитивная лесть поможет ему уговорить Степаныча, то его надежды не оправдались.

– Много ты понимаешь – на пять! – ответил тот недовольно. – У меня, может, отвертки нету подходящей, полукрестовой, а без отвертки тут делать нечего! Только зря проваландаюсь...

– Что же ты, Степаныч, отвертку не взял? Ты же знал, что она понадобится!

– Знал, не знал – что сейчас-то говорить? Короче, раз нету отвертки, нечего и пытаться...

– погоди, Степаныч, тут ведь кладовка есть... сейчас я погляжу, может, там отвертка найдется...

Шаги приблизились к Надеждиному укрытию.

Она замерла от страха, сжалась в комок и даже перестала дышать, чтобы не выдать себя случайным звуком. Вот сейчас этот человек откроет дверцу, заглянет сюда и увидит ее рядом с трупом... а дальше – все то, о чем она только что с таким ужасом думала... ее арестуют, отведут в полицию, продержат там неизвестно сколько времени, и в конечном счете вся эта история дойдет до мужа... нет, только не это!

Дверь кладовки уже скрипнула, готовясь открыться, но тут с галереи донесся голос несговорчивого Степаныча:

– Стой, не ходи в кладовку! Кажись, я нашел ту отвертку... ну да, вот она, та самая!

– Ну вот, давно бы так!

Дверь кладовки снова плотно закрылась, и на какое-то время наступила тишина. Затем снова донесся голос Степаныча:

– Да кто же тут так напутал? Провода болтаются, болты как следует не закреплены... удивительно, как вообще до сих пор короткого замыкания не было! Руки бы тому человеку оборвать, кто это сделал! Руки оборвать по самый локоть!

– Так это ты же и делал, Степаныч! Кроме тебя, тут никто не хозяйничал!

– Я? Да не может быть... а хотя да, точно, я... ну, так все и сделано по уму, как положено! Мастерство, его, брат, не пропьешь! Вот видишь, больше не мигает!

– Ну, я же говорил, что ты все за пять минут починишь! С твоей квалификацией...

Из-за двери снова донеслись шаги, на этот раз удаляющиеся.

Надежда перевела дыхание, выждала для верности еще пару минут и потянула дверь на себя... Дверь не поддавалась.

Надежда похолодела. Неужели тот человек, который хотел открыть дверь кладовки, запер ее? И теперь Надежде Николаевне суждено остаться здесь наедине с трупом до тех пор, пока кто-нибудь из работников центра не придет сюда по своим делам? А когда найдет ее здесь, рядом с покойником, со всеми вытекающими последствиями...

А если вообще никто не придет? Ну незачем им сюда ходить, ничего нужного в этой кладовке не лежит. Про эту кладовку могут забыть надолго. И тогда лет через десять, когда будут делать ремонт или перестраивать торговый центр, в кладовке найдут два скелета – ее и этого типа... Ужас какой!

Надежда постаралась успокоиться и взять себя в руки, больше ей ничего не оставалось. Переведя дух и сосчитав до десяти, она еще раз потянула за ручку двери... Дверь по-прежнему не открывалась.

Стараясь не оглядываться на покойника, она толкнула дверь... и та легко открылась. Действительно, дверь открывалась наружу, а не внутрь. Слава богу!

Надежда выглянула из кладовки, опасливо огляделась по сторонам. Убедившись, что на галерее нет ни души, она последний раз посмотрела на мертвого шантажиста, выскользнула наружу и припустила к ближайшему эскалатору.

Через две минуты Надежда Николаевна была уже внизу, в атриуме, среди суетящейся и спешащей толпы. Здесь она почувствовала себя немного увереннее, однако поспешила покинуть торговый центр.

Оказавшись на улице, она замедлила шаги, чтобы не привлекать внимания прохожих. На глаза ей попала небольшая, с виду приличная кофейня. Внезапно Надежда осознала, что после перенесенного стресса ей страшно захотелось что-нибудь съесть и выпить чашку хорошего кофе.

Она вошла в кофейню и устроилась за свободным столиком. К ней тут же подошла немолодая официантка.

– Женщина, – проговорила она сочувственно, – что-то вы совсем бледная... надо вам кофе покрепче...

– Да, обязательно! – согласилась Надежда. – Мне большой капучино с шоколадом и... у вас какие пирожные есть?

– «Наполеон» есть, и миндальный торт... есть еще пирожные серии «фитнес» с низким содержанием калорий...

– Сегодня никакого фитнеса! Значит, так... большой капучино и кусок миндального торта! – решительно заявила Надежда.

Она решила на время забыть о похудении и поддержать организм калорийной и вкусной пищей.

Официантка отправилась выполнять заказ, а Надежда полезла в сумочку за кошельком, чтобы проверить, сколько у нее денег. И тут с удивлением обнаружила в своей сумке целых три мобильных телефона.

Видимо, от перенесенных за этот день переживаний ее острый аналитический ум несколько притупился. Надежда аккуратно выложила телефоны в ряд и растерянно смотрела на них, пытаясь понять, почему их так много.

Ну, вот этот, самый красивый и современный, – ее собственный, муж подарил его на день рождения. Вспомнив о Сан Саныче, Надежда тяжело вздохнула.

Второй телефон, простенький и дешевый, – тот, который она подобрала на похоронах. Тот, который зазвонил в кармане у покойного Константина. И из-за которого она оказалась замешана в самый настоящий криминал. Впрочем, ей не впервой.

Но откуда взялся третий? Этот телефон был как две капли воды похож на телефон Константина, такой же простой и дешевый. Что же, эти телефоны научились самостоятельно размножаться? Был один, стало два... Интересно, потом будет три или четыре?

В это время к ее столику подошла официантка. На подносе у нее красовалась большая чашка кофе с идеальной шапкой пены и аппетитное пирожное.

Увидев на столе перед Надеждой три мобильных телефона, официантка удивилась:

– Зачем вам так много?

– Подарки, – уклончиво ответила Надежда.

Официантка вряд ли ей поверила, но настаивать не стала и удалилась, поджав губы.

Надежда сделала большой глоток кофе... И голова сразу заработала лучше.

До нее наконец дошло. Третий телефон – тот, который Надежда нашла в кармане мертвого шантажиста. Выходит, она в помрачении рассудка сунула его в свою сумку...

Нет, что же это происходит? Второй раз за день она находит в кармане мертвеца мобильный телефон... Может, это какие-то несчастливые телефоны? Может, они приносят своим владельцам смерть?

Вообще-то Надежда Николаевна была женщиной разумной, мыслила реалистически и ни в какую мистику не верила. Хотя не любила, когда ей переходили дорогу черные кошки.

Тем не менее она исходила из того, что у каждого события должно быть вполне реальное объяснение.

Она еще раз осмотрела оба чужих телефона. Они были одной и той же фирмы, одной и той же модели и даже одинакового серо-стального цвета. Создавалось впечатление, что они из одной партии.

Далее Надежда Николаевна решила проверить журнал звонков. Первым делом она заглянула в телефон шантажиста, и он не поразил ее обилием информации. В его памяти было всего два звонка – входящий и исходящий. Причем номер в обоих случаях был один и тот же.

Надежда сделала еще один глоток кофе и почувствовала, как к ней возвращается аналитический, инженерный ум.

Впрочем, чтобы сообразить, что единственный входящий звонок в памяти этого телефона – это ее собственный, большого ума и не требовалось. Ведь она действительно звонила в галерею, чтобы найти шантажиста среди толпы покупателей.

Но тогда... тогда второй номер – это номер того телефона, который она прихватила на похоронах. Номер телефона, который звонил в кармане Константина.

Что ж, это хоть какая-то информация.

Теперь она знает номера обоих телефонов.

Надежда отложила телефон шантажиста и перешла ко второму – тому, который она для простоты и определенности назвала телефоном Константина.

В его памяти было больше звонков. Последний – исходящий, тот самый ее звонок шантажисту. Перед этим – входящий звонок с того же номера. Ну да, это когда шантажист звонил ей, чтобы назначить встречу в торговом центре. До этого были еще три звонка на разные номера.

Надежда только хотела подумать, что дают ей эти номера, как вдруг телефон Константина зазвонил.

Надежда вздрогнула: в первый момент она вообразила, что шантажист ожил и снова звонит ей. Но тут она вспомнила его мертвые, пустые глаза, пену на губах, да к тому же сообразила, что телефон шантажиста лежит перед ней на столе... Но если не он, то кто же?

Она нажала кнопку ответа, поднесла телефон к уху. И услышала тот же самый голос, что и прошлый раз. Холодный, неприятный, бездушный.

– Ты почему не пришел? – проговорил незнакомец с угрозой. – Ты не понял, насколько это серьезно? Ты думаешь, что со мной можно играть в такие игры?

– Кто вы? – растерянно отозвалась Надежда.

– Что? – На этот раз ее собеседник был удивлен. Должно быть, он не ожидал услышать женский голос. – Что за дела? – проговорил он после короткой паузы. – Кто ты такая? Как у тебя оказался этот телефон? Он должен был...

– Вы думали, что этот телефон у Константина? – перебила его Надежда, решив перехватить стратегическую инициативу. – Выходит, вы ничего не знаете?

– Чего это я не знаю? – Теперь голос в трубке звучал враждебно и недоверчиво.

– Что Константин умер! Он умер и уже похоронен! То есть... кремирован.

– Что?! – собеседник Надежды и впрямь был удивлен. – Умер? Кремирован? А ты-то кто? Откуда все это знаешь?

– А я там была сегодня и сама видела его в гробу! – злорадно ответила Надежда. – Так что не сомневайся, умер он, и ничего ты с него не получишь! Даже и не мечтай!

– Ага, что-то слишком много ты знаешь, – прошипел голос в трубке. – Опять же, телефон у тебя. Ты, стало быть, его жена, то есть вдова теперь. Привет, Алисочка!

– Вовсе я не Алиса, – возмутилась Надежда, – еще не хватало!

– Точно! Как я сразу не сообразил! Голос-то староват! – противно рассмеялся шантажист. – Значит... ну да, теперь я понял, ты его первая жена! Ну, так тогда ты тем более в курсе. И для тебя будет лучше, если ты отдашь мне *это*!

– *Это*? – удивленно переспросила Надежда. – О чем вы? Я не понимаю...

– Вот только не надо делать вид, что не понимаешь, о чем речь! – прошипел мужчина. – Ты ведь не хочешь, чтобы с твоей дочкой случилось что-то плохое? Что-то очень плохое? – Он сделал небольшую паузу, чтобы собеседница прочувствовала его слова, и повторил: – Если ты этого не хочешь, ты отдашь *это* мне!

– Но я... – Надежда хотела сказать незнакомцу, что она – вовсе не вдова Константина, что она вообще случайно замешалась в это дело, но тот ее не слушал.

– Жди моего следующего звонка! – проговорил он властным голосом и отключился.

– Да что же тебе нужно? – спросила Надежда у замолкшей трубки и бросила телефон на стол.

Что же происходит? Во что ввязался перед смертью Константин? И кто такой тот

тщедушный тип, который лежит мертвым в кладовке торгового центра? И самое главное – чего хочет от нее тот, настоящий шантажист, который звонит ей по телефону? Точнее – не от нее, а от Лиды, первой жены Кости Леденцова...

Очень не понравился Надежде этот разговор. Не понравились угрозы, не понравились грубость и хамство телефонного шантажиста, а самое главное – не понравилось, когда этот шантажист сказал, что голос у нее староват. Надежде Николаевне всегда говорили, что голос у нее звучит звонко и молодо, в особенности по телефону. А этот мерзкий тип ее по голосу в старухи определил. Ну, это ему так не пройдет!

Надежда почувствовала к неизвестному типу самую настоящую ненависть.

Но эмоции эмоциями, а что ей сейчас делать? Может быть, поговорить с Лидой? Рассказать ей об этом телефоне, о звонках шантажиста... Лиду это касается напрямую, шантажист угрожает ее дочери, и потом, может быть, Лида действительно знает, что этому типу нужно...

Надежда допила последний глоток кофе – и тут снова зазвонил телефон. Она вздрогнула – неужели это снова звонит шантажист? Неужели опять станет требовать у нее «то, не знаю что»?

Но уже в следующую секунду она поняла, что звонит ее собственный телефон. Взглянув на дисплей, Надежда увидела номер Вали Голубева.

Вздыхнув с облегчением, Надежда поднесла телефон к уху:

– Валя, привет!

– Привет, Надюша! Ну, как ты? Эти похороны тебя не очень расстроили?

– Похороны? – переспросила Надежда.

После похорон Константина в ее жизни уже столько всего случилось, что Валин вопрос застал ее врасплох.

– Ну да... ты после похорон выглядела очень подавленной. Я уж себя винил – думал, что зря мы с Милкой тебя вытащили.

– Ну, похороны есть похороны... – вздохнула Надежда, – веселого в них мало. Особенно если хоронишь своего ровесника... сразу возникают мысли о бренности жизни, и вообще...

– Вот, кстати, насчет *вообще*... я тебе чего звоню-то. Что-то на похоронах были совсем чужие люди. Практически ни одного знакомого лица. Ну, если не считать Торопыгина, а этого... сама понимаешь, не хочется считать. А это как-то неправильно. Давай, что ли, позвоним Милке и выберемся вместе куда-нибудь. Посидим, помянем Костю в своем узком кругу...

– Может быть, тогда и Лиду позвать? Хотя ей сейчас, наверное, не до нас...

Тут на глаза Надежде попались два совершенно одинаковых мобильных телефона. И она удивительно своевременно вспомнила, что у Валиного сына была знакомая девушка, которая работала в телефонной компании и как-то очень помогла ей, Надежде, разобраться в сложном вопросе, связанном с мобильной связью.

– Вот, Валя, кстати... – проговорила она смущенно, – у твоего Сашки была знакомая девушка в телефонной компании... они еще не раззнакомились?

– Ну, ты даешь! – Валя засмеялся так громко, что Надежде пришлось отвести трубку от уха, чтобы не оглохнуть. – Они не только не раззнакомились... эта девушка давно уже Сашкина жена, а моя невестка. У меня уже внучке третий год.

– Не может быть! – ахнула Надежда. – Это что же, мы так давно не виделись?

– Да я звонил тебе, говорил уже, ты просто не помнишь! – отмахнулся Валя. – И, доложу

тебе, Надя, что внуки – это самая большая радость в жизни человека!

– Ну, я тебя поздравляю! Извини, что с опозданием, но лучше поздно, чем никогда!

– Спасибо... а ты что-то хотела спросить?

– Ну да... эта девушка... то есть твоя невестка, она по-прежнему работает в телефонной компании? Хотя... что я говорю? Какая работа, если у нее дочке третий год...

– А вот тут ты пальцем в небо попала... она вышла на работу, как только девочке исполнилось два года. Сказала, что не хочет превращаться в домохозяйку, что потом ей будет труднее найти работу... мы уж как ее отговаривали!

– Значит, она сейчас работает в той же компании? – оживилась Надежда.

– Работает... а что тебе нужно?

– Я ей хочу показать два телефона. Мне интересно, что она, как специалист, сможет о них сказать.

С Валецкой договорились быстро, условились на завтра, Надежда не хотела откладывать.

Алиса Леденцова пришла домой одна и совершенно без сил. Такой длинный, тяжелый, утомительный день. Она безумно устала от мелькания незнакомых лиц, от того, что нужно было постоянно следить за своим собственным лицом, да еще вуаль все время сбивалась набок. И эта ужасная музыка, и запах, какой отвратительный запах в крематории! Этот запах навевал самые неприятные мысли – что она не всегда будет молодой и красивой...

Потом поминки. Ресторан какой-то противный, хоть и дорогой. Она, Алиса, не то чтобы растерялась после смерти мужа, но как-то все случилось неожиданно. Только что была она замужем за обеспеченным человеком, который, взяв ее замуж, обязался брать на себя все ее заботы и проблемы, и вдруг, как говорят, в одночасье, стала вдовой. Не то чтобы она ощутила сильную боль от горя, но все же...

Константин был еще не старый, ему не было и пятидесяти. К тому же здоров как бык, не пил, не курил, ходил в зал, где занимался с личным тренером, питался правильно, шутил, что хочет соответствовать своей молодой женочке.

На самом деле Алиса знала, что делает он это вовсе не для нее. А для себя. Он вообще все всегда делал ради себя, любимого. Это Алиса поняла очень скоро.

Несмотря на внешность гламурной блондинки, она была вовсе не душой. Встретившись с Константином, Алиса поняла, что это ее шанс устроить свою жизнь. Она быстро подвела Леденцова к мысли о женитьбе, впрочем, он не очень-то и сопротивлялся. И Алиса поняла почему, когда увидела его первую жену – старую тощую бабу. Накрашена кое-как, одета жутко, километры морщин на лице, шея отвисает, как у черепахи Тортиллы. Как будто не в большом городе живет, а в тундре! Хотя и там, наверное, уже слышали о ботоксе и мезотерапии. Впрочем, этой гримзе и пластика не поможет... Да и черт с ней!

Явилась сегодня на похороны с доченькой своей. Вот с какого, спрашивается, перепуга? Иконников высунулся, конечно: вас, мадам, сюда не приглашали! А она ему: на похороны не приглашают, люди сами приходят, кто хочет человека в последний путь проводить, последний долг отдать. Тот и заткнулся.

Вот еще тоже навязался на ее голову этот Иконников. Пристал как банный лист. Взятся опекать – по ручке гладит, за плечико держится, на ухо шепчет слова утешения. Сам противный такой – руки потные, на голове плешь просматривается...

Ясно, что не от широкой души он это делает, не от хорошего отношения. Что-то ему от Алисы надо. А что конкретно – тоже понятно, хочет свои позиции закрепить. Фирма теперь

ей достанется, так он при ней директором будет. Возьмет в свои руки управление фирмой, а там и ее в эти же руки заберет. То есть это он так думает, Алиса мысли эти сразу угадала. И пока что Иконникова ни в чем не разочаровывала – пускай себе мечтает. А попутно с делами поможет разобраться.

Алиса прошла в спальню. Горничную она отпустила еще утром. Может, и зря, сейчас хотя бы чаю кто-нибудь принес. Опять же, не одна в этой большой квартире, не так страшно...

Она закрыла глаза и тотчас увидела Константина в гробу. Господи, как все ужасно! Руки дрожали. Ей нужно выпить, чтобы успокоиться. Но коньяк хранился у мужа в кабинете, ей не хотелось идти туда, где все напоминало о нем.

Нужно взять себя в руки. Нужно это пережить, уже завтра ей станет легче. Она займется неотложными делами, Иконников будет маячить рядом. Противный он мужик, но пока нужно дать ему надежду, что его планы скоро осуществляются.

Алиса с головой окунется в деловые заботы и не будет думать о том, что случилось три дня назад, как раз перед смертью Константина. Что он ей сказал, и что она ответила ему. Теперь это уже не важно.

Она открыла глаза и оглядела себя в зеркале туалетного столика. Вид не слишком приятный – лицо бледное, глаза больные, тусклые, волосы растрепались.

– Как и положено вдове...

Через секунду Алиса осознала, что не она сказала эти слова вслух. И тотчас же в зеркале позади нее возник мужской силуэт.

– Черт! Напугал как... – Алиса вскочила с места и тотчас же без сил упала на стул. – Как ты сюда попал?

Мужчина молча ухмыльнулся, и Алиса поняла, что у него были ключи от ее квартиры.

Как он их добыл? Украл у нее, Алисы, и сделал слепки или же задурил голову горничной, этой тетехе? Какая разница! Алиса никогда не пускала его в эту квартиру, не соглашалась на встречи здесь – не из порядочности, а из страха перед мужем.

Константин не раз говорил, что, если узнает о ее неверности, в тот же день выгонит на улицу. И Алиса знала, что так и будет. Такими словами не бросаются. Так что не хватало еще пускать любовника в квартиру. А соседи? А консьержка? А сторож на парковке? Везде любопытные глаза и уши. Так и сказала любовнику сразу. Но, судя по всему, он мог тут бывать...

– Как ты сюда попал? – повторила она как можно тверже. – Как ты вообще посмел сюда явиться?

Не отвечая, мужчина повернул ее к себе рывком и заглянул в глаза. И от этого властного, пристального взгляда она потеряла последние силы и остатки разума. Так всегда было с этим мужчиной, он действовал на нее как смерч, как тайфун.

Когда он держал ее так и смотрел в глаза, Алисе казалось, что ее подхватывает могучий вихрь, который поднимает высоко в воздух, так что сердце замирает от страха, если глядеть вниз. А вихрь все несет и несет куда-то, а потом начинает кружить.

Вот и сейчас она крепко закрыла глаза и отдалась этому мощному кружению, позволив опрокинуть себя на бывшую семейную кровать. Что уж теперь...

Круги становились все меньше, Алиса чувствовала, как ее засасывает в черную воронку все сильнее и сильнее...

А потом все кончилось. Она очнулась и пришла в себя. Вот так всегда у них было: Алиса

ничего не помнила из их близости. Хотя это слово тут не годилось.

Когда они познакомились – случайно, в кафе или в магазине, она даже не помнит, Алиса сразу поняла, что ничего хорошего из этой связи не выйдет. Она не хотела изменять мужу, потому что верила: если Константин узнает про любовника, все его угрозы сбудутся. Но с этим мужчиной ей было не совладать.

Точнее, с собой не совладать. Как только он оказывался рядом, она теряла осторожность, здравый смысл, да и вообще все чувства, кроме одного – пускай он делает с ней что хочет, ей все равно.

Алиса повернулась, потому что затекла рука, и встретила его насмешливый взгляд.

– Вдовушка... – протянул он.

Она только сейчас осознала, что они даже не разделись. На ней было все то же черное платье, теперь мягкое, и Алиса с отвращением сбросила его. За целый день платье надоело ей до чертиков, к тому же оно было из какой-то плотной ткани, от которой у Алисы чесалось все тело.

Она искоса посмотрела на любовника. И что он только с ней делает? А если кто-то видел, как он вошел в квартиру? Хотя какая теперь разница... Один несомненный плюс от его визита имеется: она полностью успокоилась.

– У тебя телефон звонит, – сказал он. – Мне подойти, сказать, что ты в ванной?

– Ты что! – встрепелась Алиса. – Это может по делу!

Звонил адвокат мужа. Разговор был коротким, после чего Алиса вернулась в спальню хмурая, как туча.

– Что там? – любопытствовал любовник, и Алиса удивилась – раньше он никогда не интересовался ее делами.

То есть и дел-то у нее особенных не было, все вопросы решал Константин. Значит ли это, что теперь любовник хочет быть ближе к ней? Возможно, он захочет, чтобы они жили вместе...

Алиса украдкой скосила глаза в его сторону и встретила внимательный, пристальный, заинтересованный взгляд. И поняла, что интересуется он неспроста – не потому, что волнуется за нее или собирается жить на ее деньги. Денег ему не нужно, поняла Алиса, во всяком случае, тех, что она может предложить. Он никогда ничего не дарил ей, даже безделушки, да она бы и сама не приняла – боялась, что муж узнает. Но любовник также не брал у нее денег.

Так что же ему от нее нужно?

Алиса поскорее отвернулась, чтобы любовник не прочитал ее мыслей, уж это он умел делать виртуозно.

– Так что там с адвокатом? – настиг ее вопрос.

– Да ничего, – с досадой ответила она, – темнит что-то. Сказал, что с завещанием не все так, как я могла бы ожидать. Знаешь этих адвокатов, они по-простому ничего не скажут, разведут бодягу... В общем, завтра все узнаю, у нас встреча...

– А ты сама что думаешь? – настойчиво продолжал он.

– Думаю, что какую-то часть наследства он дочке своей оставил. От первого брака, – неохотно ответила Алиса. – Он...

– Детей хотел? – Новые вопросы сыпались теперь пулеметной очередью.

– Да не то чтобы...

– А ты что же не подстраховалась? – В голосе любовника появилась насмешка. – Родила

бы ему сына или вообще близнецов, была бы сейчас вся в шоколаде...

– Да кто же знал-то! – всерьез разозлилась Алиса. – Кто же мог подумать, что он так быстро умрет! Мы всего три года женаты! Были... – Голос ее сорвался, но не от горя, а от злости.

– Ну-ну... – он слегка отодвинулся, – ты – его законная вдова, и все, что было у него, теперь будет твое. Я помогу, если что...

Алиса повернулась к нему, чтобы понять, что же он имеет в виду, но внезапно ее охватила такая слабость, что она без сил упала на кровать и через минуту крепко спала. А когда проснулась утром, в квартире никого не было.

Надежду разбудил звонок мужа, он всегда звонил перед выходом из гостиницы, потому что потом закрутит деловая суета, на совещаниях мобильники отключают, и так до вечера.

– Надя, с тобой все в порядке? – спросил Сан Саныч. – У тебя голос какой-то усталый...

Надежда Николаевна мужа очень любила. Скучала по нему в разлуке, но иногда было неплохо расстаться на несколько дней. Поскольку тогда Надежда получала некоторую свободу. А свобода ей была нужна для того, чтобы заниматься расследованием всяческих криминальных дел, в которые Надежда влипала с завидным постоянством. Такая уж у нее была особенность. Или хобби.

Муж эти Надеждины приключения очень не одобрял, твердил, что все это очень опасно и рано или поздно кончится для Надежды плохо. Надежда и сама понимала, что преступники и убийцы не в игрушки играют и пару раз все могло закончиться летальным исходом, но ничего не могла с собой поделать. Поэтому взяла себе за правило мужа ни во что не посвящать. Чтобы он за нее не волновался.

Сан Саныч был человек неглупый и проницательный, так что Надежда внимательно следила за собой, чтобы не проговориться, потому что из любой брошенной вскользь мелочи муж мог сделать нелюбопытные для нее выводы.

Надежда мысленно прикинула, говорить ли мужу про похороны Кости Леденцова. Получалось, что говорить можно, поскольку муж в свое время работал в том же НИИ и Костю знал. Не близко, правда, но все-таки...

Муж ахнул, узнав печальную новость, вздохнул тяжело, но потом вспомнил о своих делах и заторопился, забыв даже потребовать бюллетень о здоровье кота. И Надежду ни в чем не заподозрил. А она, разумеется, не стала рассказывать ему про телефон у покойника в кармане и про звонок шантажиста.

– Вот так, – сказала Надежда, глядя на потягивающегося Бейсика, – и давай не будем рассказывать Саше про случай с витаминами.

«Ладно уж...» – мяукнул кот, зная, что по утрам с Надеждой лучше не ссориться, а то есть не даст.

Из ванной Надежда Николаевна услышала, что телефон снова разрывается.

– Надя... – послышался в трубке незнакомый слабый голос, – это ты?

– Я, – честно ответила Надежда, потому что это была, бесспорно, она, – а кто это говорит?

– Это Лида... Леденцова Лида, мы вчера виделись...

– Ох, извини, Лида, не узнала тебя по голосу! – Надежда и вправду обрадовалась.

Она как раз хотела поговорить с Лидой, но вчера не вышло, а тут жена Константина сама звонит. Все отлично складывается!

– Не извиняйся, меня многие не узнают... – прошелестела Лида, – видно, очень голос изменился...

Надежда не нашлась что ответить. То есть сказать-то ей было что, но вот захочет ли Лида выслушать...

Можно ли так распускаться, думала Надежда. Нет, ну конечно, если, не дай бог, муж умер в одночасье, это одно. А если муж бросил тебя пять лет назад, то это совсем другое. За пять лет можно это горе пережить и успокоиться. Или хотя бы на людях не показывать, как сильно это на тебя повлияло.

И за своим внешним видом нужно следить. Ведь Лида выглядит ужасно, не старая же женщина, еще пятидесяти нет... да в таком платье, которое она на похороны надела, коров пасти и то нельзя – у них молоко пропадет!

Тут Надежда осознала, что занимается злопыхательством, а это неприемлемо. Может, Лида болеет серьезно, оттого и выглядит так плохо. Да ей-то, Надежде, в конце концов, и дела нет. Ей бы предупредить Лиду, выяснить, чего хочет от нее шантажист, из-за чего Даше угрожает, а там пускай они сами разбираются.

Молчание нарушила Лида.

– Это я, Надя, хотела перед тобой извиниться, – сказала она с усилием, – за Дашкины вчерашние слова. Она ведь нарочно меня не позвала, я и не спала совсем.

– Что, у вас отношения плохие? – осторожно спросила Надежда. – У молодых характер часто трудным бывает... нужно с ними попроще... сдержаннее... терпимее...

– Ох, Надя, если бы только в этом было дело!

Надежда услышала в Лидином голосе слезы и неожиданно для себя сказала:

– Лида, а давай встретимся? Что мы по телефону-то переливаем из пустого в порожнее! Посидим, поговорим, вспомним старые времена. Ты вообще-то работаешь?

– Да, в технической библиотеке, но в августе она закрыта, нас всех в отпуск отправляют...

– Ну вот видишь... значит, время у тебя есть... – напирала Надежда, решив ковать железо, пока горячо.

Лида согласилась, подумав, и выбрала кафе на Воскресенском проспекте, сказала, что у нее потом там недалеко назначена деловая встреча.

– Какая у нее может быть встреча, да еще деловая? – недовольно спросила Надежда у оказавшегося рядом кота, ей очень не хотелось тащиться в такую даль.

Кот ничего не ответил.

Кафе Надежда нашла с трудом, до того оно было маленьким и затрапезным. Лиду она увидела сразу, хотя скорчившуюся фигуру в самом темном месте зальчика трудно было заметить. Несмотря на дневное время, народ в кафе был, привлеченный, очевидно, дешевизной.

Сегодня с утра было пасмурно и похолодало – как поется в старой песне, «скоро осень, за окнами август». Лида была в костюме, который когда-то и правда был деловым. Лет двадцать назад. И относительно хорошо сохранился, потому что его не так часто надевали. Сейчас он висел на Лиде, как на вешалке, потому что с тех пор, как его покупали, Лида похудела размера на три.

Надежда напомнила себе, что, в конце концов, Лидин внешний вид ее совершенно не касается, и вздохнула тихонько.

– Заказывать будете? – крикнула из-за стойки дебелая, сильно накрашенная девица.

Белая кружевная блузка с пышными рукавами делала ее еще толще. Помещение кафе было настолько маленьким, что девица не давала себе труда подходить к столику.

– Ты что пьешь? – спросила Надежда у Лиды.

– Чай... зеленый кажется... – вяло ответила та.

Надежда с сомнением поглядела в ее чашку. Там была какая-то бурда, цветом напоминающая настой из травы, которым ее мать поливает огурцы, чтобы лучше росли. Перед этим настоем еще нужно выдерживать на солнце неделю.

«Только не это», – решила Надежда и крикнула девице, чтобы принесла капучино. Но тут же поймала взгляд женщины, которая сидела через столик от них. Вид у женщины был решительный и крепко сбитый. И костюм на ней был действительно деловой, вполне себе приличный. Женщина энергично ела какой-то салат и отрицательно покачала головой по поводу капучино.

– Берите лучше обычный эспрессо, – вполголоса сказала она, – в крайнем случае американо. Эта Ленка ленится молоко подогреть, так что капучино у нее всегда холодный. Зато выпечка свежая, она сама поест не дура.

– Это видно, – согласилась Надежда и заказала две булочки с шоколадом и кофе, хотя внутренний голос шепнул ей, что мучного надо бы поменьше.

– Смотрю я на тебя, Надя, – улыбнулась Лида, видя, как Надежда с аппетитом откусила и правда очень свежую булочку, – и вижу, что все у тебя хорошо.

– И у тебя все не так плохо! – брякнула Надежда и осеклась, увидев, как потухло Лидино лицо.

– Слушай, ты уж извини меня за прямоту, – Надежда рассердилась на себя, на Лиду и на покойного Константина, – но так нельзя. Милка говорила, лет пять уже прошло с вашего развода, что ж ты так убиваешься? Ну возьми себя в руки наконец, одумайся, вокруг погляди, жить начни! Жизнь у тебя одна!

– Как все знакомо, – Лида грустно улыбнулась, – Даша мне то же самое твердила.

– А ты не слушала! Правильно она все говорит!

– Она уже не говорит. Она со мной вообще не разговаривает...

– Слушай, со взрослыми детьми всегда очень сложно... – Надежда вспомнила, для чего пришла на встречу – выяснить, кто может угрожать Даше. – Может, у нее свои неприятности, по работе там или в личной жизни... Может, она отца любила и не может принять тот факт, что вы разошлись?

– Господь с тобой, Надя, это подростки так могут думать или маленькие дети, а когда мы разошлись, Дашке уж двадцать лет было! И она с Костей отношений не поддерживала поначалу. Он, знаешь, вообще как-то с детьми не очень... все время я ею занималась... Дашка упорная такая, помощи, говорит, от него в учебе не приму, сама всего добьюсь. Ну, институт закончила, сама работу нашла. Вроде бы у нее по работе все хорошо... она подробности не рассказывала.

– А в личной жизни? Друг у нее есть? Замуж не собирается?

– Вот замуж точно не хочет, – вздохнула Лида, – как-то крикнула мне в сердцах, когда мы ругались, что не желает, чтобы какой-нибудь... просто неприличное слово употребила, так вот, чтобы какой-нибудь урод сделал с ней то же, что Константин со мной! А потом меня во всем обвинять начала – дескать, сама я во всем виновата, сама неправильно себя вела, нужно, чтобы стержень в характере был, твердая сердцевина. Ведь ничего же особенного со мной не

случилось – подумаешь, муж бросил. Так не я первая, не я последняя... скем не бывает, люди как-то живут и после развода, и ничего...

– Ну да, – кивнула Надежда, – я-то знаю. Трудно, противно мне в свое время было, но как-то все со временем утряслось. Теперь только поняла, что все, что ни делается, – к лучшему, что настоящий-то муж именно этот, второй, Саша мой...

– Ох, Надя, у меня все не так, как кажется, – вздохнула Лида. – Думаешь, не вижу себя со стороны? Кажусь полной развалиной и клинической идиоткой, и ничего тут не изменить...

Надежда машинально доела первую булочку и допила кофе.

– Ладно, – снова вздохнула Лида, – видно, придется все рассказать. Тебе можно, ты всегда мне нравилась. Значит, жили мы с Костей, в общем-то, неплохо, он работал, я больше Дашкой занималась да семейный очаг хранила. Дашка у меня в девяностом родилась, тогда трудное время было. Ну, Костя крутился, конечно, как мог, все бизнес пытался наладить. С начальниками, говорил, ничего не получается, норовят всю прибыль сразу растащить, ничего в дело не пустить. Живут, в общем, одним днем, о будущем не думают.

– Помню я, что он одним из первых из института ушел, – вставила Надежда.

– Да, они втроем создали предприятие, перебивались еле-еле, потом один компаньон что-то не то сделал, подвел их очень, они едва не разорились. Костя злой такой был, я уж боялась лишнее слово сказать, чтобы под горячую руку ему не попасться. А потом как-то и говорит, что нужно все делать самому, без компаньонов, тогда, мол, никто не подставит, не подведет и не ограбит. Сам на себя работаешь, самому себе доверяешь, сам себе хуже никак не сделаешь, себя не подведешь. И прибыль ни с кем делить не надо. Свою, в общем, нужно фирму создавать. Только капитал стартовый нужен. Без него не обойтись.

– Это уж точно, – согласилась Надежда.

– Ну, у нас не было ни квартиры лишней, ни дачи на Карельском, чтобы участок в двадцать соток на берегу залива, так что я эти его разговоры мимо ушей пропускала. Тем более тогда у меня мама как раз болела и потом умерла. В общем, Костя своими делами был занят, мы с Дашкой его и не видели совсем. Похудел весь, почернел, на себя был не похож. А потом все вроде на лад у него пошло. В доме деньги появились, на море нас с Дашкой по два раза в год отправлял, машину новую купил. Хотели загородный дом строить, уже участок он купил. А квартиру эту решили пока не продавать, потом Дашке оставить. И вот сижу я как-то дома, вдруг смотрю – с потолка на кухне капает. Я – наверх, к соседям, там что-то у них прорвало и потекло. Хорошо, я дома была, заметила, а то бы потоп был на все этажи, а так быстро ликвидировали. У нас потолок подвесной, а только смотрю я – капает на антресоли. Испугалась я, что вода застоится и плесень пойдет, и решила антресоли разобрать.

Тут Лида посмотрела на Надежду с таким отчаянием, что та невольно задумалась, что же Лида нашла на тех антресолях. Не скелет же Костиной любовницы, который он забыл там лет десять назад...

Лида посидела немного, отпила остывшей бурды из своей кружки, потом глубоко вдохнула и продолжила сдавленным голосом:

– Была у меня бабушка...

«У меня тоже, – подумала Надежда, – ну и что такого?»

– Характер у нее непростой был, она с мамой моей не очень ладила... Понимаешь, отец раньше женат был, недолго... потом первая жена его умерла. Заболела – и сразу... В общем, он с мамой тогда и не знаком был. Но потом познакомились они и поженились очень быстро. А бабушка... она против была, уж не знаю почему. И так они с мамой мало виделись,

мама и меня к ней не пускала. А потом, когда я уже в институте училась, звонит она как-то и приглашает к себе. Я пришла, смотрю – вид у нее нехороший, болеет, видно. А она взгляд мой перехватила. Да, говорит, я уж все про себя знаю, недолго осталось. Ты не волнуйся, не для того тебя позвала, чтобы ты за мной горшки выносила, все у меня предусмотрено, соседке квартиру оставляю, она за мной ухаживать будет до самого конца. А тебе завещаю одну вещь. И достает из ящика стола медальон. Такой... тонкой работы, из темного потускневшего золота. Это, говорит, наша фамильная вещь, очень старинная. Нужно эту вещь хранить, потому что медальон этот не простой, в нем огромная сила заключена. Вещь эта в нашей семье уж лет пятьсот хранится, там, внутри, портрет нашей прапрабабки. И дает мне в руки медальон этот. Небольшой, но тяжелый ужасно. И какая-то от него и правда энергия идет, или уж мне показалось от неожиданности. На крышке вензель выгравирован – «Е» и «В». Открываю я медальон этот, а там портрет женщины. – Лида остановилась, снова отпила из чашки. – Женщина такая... молодая, волосы темные, густые, брови широкие черные, глаза прямо сверкают. И вроде бы красивая, а смотреть на нее страшно. Я поскорее закрыла медальон, отпихнула его от себя. Что вы, говорю, бабушка, мне ничего не надо. А она как рявкнет – тебя, мол, и не спрашивают! Ты обязана его взять и хранить как зеницу ока, никому не показывать и никогда никому не отдавать. Его вообще, говорит, отдать нельзя и продать тоже нельзя. Если продашь или потеряешь, то и тебе и тому человеку, к кому он от тебя перейдет, плохо будет. Очень плохо! А теперь, говорит, поклянись передо мной здоровьем своим и жизнью, что никому его не отдашь!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Читайте роман Н. Александровой «Игра случая».